

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

Кафедра истории Беларуси нового и новейшего времени

МЕХОНОШИН
Матвей Валерьевич

**ПРЕСТУПНОСТЬ
В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ БЕЛАРУСИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Дипломная работа

Научный руководитель:
кандидат исторических наук,
доцент А.В. Бурачонок

Допущена к защите

«___»_____ 2019 г.

Зав. кафедрой истории Беларуси нового и новейшего времени
кандидат исторических наук, доцент В. С. Макаревич

Минск, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

РЕФЕРАТ.....	3	
ВВЕДЕНИЕ	6	
ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ		
ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ..... 10		
1.1 Историкографический обзор.....	10	
1.2 Обзор источников по теме исследования	155	
1.3 Методология исследования	17	
ГЛАВА 2. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ СЛОИ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. – НАЧАЛА XX В.		199
2.1 Социальная трансформация купеческого сословия в белорусских губерниях в контексте реализации буржуазных реформ второй половины XIX в.	199	
2.2 Этно-конфессиональные и культурные факторы противоправных проявлений среди предпринимателей белорусских губерний	233	
2.3 Специфика уголовного наказания за преступления в сфере предпринимательства в городах в Российской империи в XIX – начале XX в.	298	
ГЛАВА 3. ПРЕСТУПНОСТЬ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ В БЕЛАРУСИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.		354
3.1 Преступность в среде купеческо-предпринимательских кругов по данным статистических источников.....	355	
3.2 Злоупотребления и мошенничества в мелком предпринимательстве розничной торговли городов и местечек Беларуси в конце XIX – начале XX веков.....	405	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	499	
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	51	
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	60	
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	61	

РЕФЕРАТ

Преступность в предпринимательской среде Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.

Мехоношин Матвей Валерьевич

Представленная работа посвящена исследованию феномена преступности в социальной среде предпринимателей белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX в. Основываясь на массиве статистических, законодательных и личных источников, белорусской и зарубежной историографии рассматриваются последствия модернизационных процессов, связанные с новыми формами проявления преступной деятельности в предпринимательской среде, факторы, определившие специфику данного феномена в белорусских губерниях, а также анализ динамики преступности в географической и хронологической перспективах.

Цель исследования: выявление причин, характера, количественных и качественных параметров противоправного поведения социального слоя предпринимателей в процессах модернизации белорусского общества второй половины XIX – начала XX в.

Объектом исследования является совокупность общественных отношений на этапе модернизационных изменений в белорусском обществе второй половины XIX – начала XX в. **Предметом** исследования является изучение закономерностей и особенностей формирования противоправного поведения социальной группы предпринимателей, его динамики и характера проявлений в условиях трансформации традиционного белорусского общества.

Соотносительно источниковой базе и решаемым задачам использованы историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, **методы исследования.** В основу исследования положена теория социальной модернизации, рассматриваемая как модель процесса перехода аграрного общества в индустриальное.

Структура работы состоит из введения, трех глав, заключения и списка источников и литературы (114 наименований). Общий объем – 61 страниц.

Результат исследования: Определены уровень и степень влияния противоречивого характера экономических и социокультурных изменений в белорусских губерниях, определивших модели девиантного поведения в предпринимательской среде. На основании анализа материалов уголовной статистики, ранее не рассмотренных в белорусской историографии показаны изменения в структуре и динамике преступности как важнейшие индикаторы масштабов социальной трансформации белорусского общества второй половины XIX – начала XX в.

Ключевые слова: социальная модернизация, история предпринимательства, структура и динамика преступности, Беларусь.

РЕФЕРАТ

Злачыннасць у прадпрымальніцкім асяроддзі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Механошын Мацвей Валер’евіч

Прадстаўленая праца прысвечана даследаванню феномена злачыннасці ў сацыяльным асяроддзі прадпрымальнікаў беларускіх губерняў у другой палове XIX – пачатку XX ст. Грунтуючыся на масіве статыстычных, заканадаўчых і асабістых крыніц, беларускай і замежнай гістарыяграфіі разглядаюцца наступствы мадэрнізацыйных працэсаў, звязаныя з новымі формамі праявы злачыннай дзейнасці ў прадпрымальніцкім асяродку, фактары, якія вызначылі спецыфіку дадзенага феномену ў беларускіх губернях, а таксама аналіз дынамікі злачыннасці ў геаграфічнай і ханалагічнай перспектывах.

Мэта даследавання: выяўленне прычын, характару і дынамікі супрацьпраўных паводзін сацыяльнага пласта прадпрымальнікаў ва ўмовах мадэрнізацыі беларускага грамадства другой паловы XIX – пачатку XX ст.

Аб'ектам даследавання выступае сукупнасць грамадскіх адносін перыяду мадэрнізацыйных зменаў у беларускім грамадстве другой паловы XIX – пачатку XX ст.

Прадметам даследавання з’яўляецца вывучэнне заканамернасцей фарміравання супрацьпраўнага паводзінаў сацыяльнай групы прадпрымальнікаў, яго дынамікі і характару праяў ва ўмовах трансфармацыі традыцыйнага беларускага грамадства.

У залежнасці ад характару крыніцазнаўчай базы і вырашаемых задач ужытыя гісторыка-генетычныя, гісторыка-параўнальныя, гісторыка-сістэмныя, **метады даследавання.** У аснову даследавання пакладзена тэорыя сацыяльнай мадэрнізацыі, разгляданая ў кантэксце працэсу пераходу аграрнага грамадства ў індустрыяльнае.

Структура працы складаецца з ўвядзення, трох глаў, заключэння і спіса крыніц і літаратуры (114 найменняў). Агульны аб’ём – 61 старонак.

Вынікі даследавання: Вызначаны ўзровень і ступень уплыву супярэчлівага характару эканамічных і сацыякультурных змяненняў у беларускіх губернях, якія вызначылі мадэлі дэвіянтных паводзін у прадпрымальніцкім асяродку. Быў прааналізаваны матэрыял крымінальнай статыстыкі, які раней ня з’яўляўся аб’ектам даследавання ў айчыннай гістарычнай навуцы. Паказаны змены ў структуры і дынаміцы злачыннасці як важнейшыя індыкатары ўзроўня сацыяльнай трансфармацыі беларускага грамадства другой паловы XIX – пачатку XX ст.

Ключавыя словы: сацыяльная мадэрнізацыя, гісторыя прадпрымальніцтва, структура і дынаміка злачыннасці, Беларусь.

SUMMARY

Crime in the entrepreneurship of Belarus in the second half of the XIX – early XX century Mekhanoshyn Matsvei Valerievich

This bachelor thesis is devoted to the study of the phenomenon of crime in the social environment of entrepreneurs of Belarusian provinces in the second half of the XIX – early XX centuries. Based on an array of statistical, legislative and personal sources, Belarusian and foreign historiography, the consequences of modernization processes associated with new forms of criminal activity in the business environment, factors determining the specificity of this phenomenon in Belarusian provinces, and analysis of crime dynamics in geographical and chronological perspectives are considered.

Objective: to identify the causes, nature and dynamics of the illegal behavior of the social stratum of entrepreneurs in the context of the modernization of the Belarusian society in the second half of the XIX – early XX centuries.

The **object** of the research is the social relations in the Belarusian society during the period of modernization changes of the second half of the XIX – beginning of the XX centuries. The **subject** of the research is to study the patterns of formation of illegal behavior of a social group of entrepreneurs, its dynamics and the nature of manifestations in the context of transformation of the traditional Belarusian society.

Depending on the nature of the source base and the tasks to be solved, historical-genetic, historical-systemic, historical-comparative **research methods** are applied. The study is based on the theory of social modernization, which is considered in the context of the transition of an agrarian society to an industrial one.

The **structure** of the work consists of introduction, three chapters, conclusion and list of sources and literature (114 items). Total volume – 61 pages.

The result of the study: The level and degree of influence of the controversial nature of the economic and socio-cultural changes in the Belarusian provinces, which determined the patterns of deviant behavior in the business environment, were determined. The material of criminal statistics, which was not previously the object of research in Belarusian historiography, was analyzed. Changes in the structure and dynamics of crime are shown as the very important indicators of the level of social transformation of the Belarusian society in the second half of the 19th – early 20th centuries.

Keywords: social modernization, history of entrepreneurship, structure and dynamics of crime, Belarus.

ВВЕДЕНИЕ

Рубеж конца XIX – начала XX в. в истории Беларуси был определен масштабной общественной трансформацией, затронувшей все сферы жизни социума и индивида. Начало процесса глобальных социальных изменений положили буржуазные реформы 1860–70-х гг. в Российской империи, которые существенно повлияли на традиционную сословно-корпоративную систему организации общества. В результате отмены личной зависимости крестьян, усилившейся урбанизации и миграционных потоков внутри Российской империи уменьшалось значение сословного статуса и открывались новые возможности для индивидуальной самореализации. Такая ситуация с одной стороны способствовала экономическому и социальному развитию, формированию институтов гражданского общества, с другой – имела негативные социальные последствия: рушилась устойчивая модель отношений между группами, что выливалось в рост преступности, который в этот период происходил по всей Российской империи.

Одна из социальных групп, которая наиболее интенсивно была включена в названные процессы были предпринимательские слои, особое место в которых играло купеческое сословие. Зависимость нахождения в гильдейском купечестве от официальных разрешений и финансовой состоятельности определили специфику преступности, характерную для этой социальной группы. В то же время органы охраны правопорядка и судебные органы оказались не всегда готовым к новым социальным изменениям, исходили из ситуации административной конъюнктуры, не всегда давая должный приоритет рассмотрению дел, касающихся конкретно предпринимательской сферы. В данной работе мы фокусируем внимание на всем спектре правонарушений, которые мы можем зафиксировать в среде предпринимателей белорусских губерний, среди которых, мы можем отметить и сугубо специфические виды преступлений – в сфере торговли, производства и ведения дел.

Историческое развитие белорусских земель в предыдущие исторические эпохи, их нахождение на пересечении торговых путей, а также богатый опыт традиционных форм производства оказались в новых условиях развития в период вхождения в состав Российской империи. Особая этнокультурная и сословная политика властей, неравномерный рост капиталистических отношений и регионального развития оказались факторами, определившими специфику модернизации на землях Беларуси, которые, в свою очередь, оказали влияние на проявления противоправных действий в сфере

коммерческого производства и торговли. Это позволяет рассмотреть феномен преступности с точки зрения социальной истории, с широким применением инструментария других социальных и правовых наук: социологии, антропологии, социальной психологии, криминологии и теорий межэтнического взаимодействия. Для понимания изучаемых процессов необходимо обратиться и к данным исторической компаративистики, для необходимого сравнения количественных и качественных параметров преступности в других регионах Российской империи, а также зарубежных стран.

Актуальность данного исследования подтверждается целой серией научных публикаций, появившихся в отечественной историографии за последнее десятилетие. Написанные в рамках направления социальной истории, они рассматривают различные аспекты социально-экономической трансформации общества белорусских губерний. Часть работ посвящены истории крестьянской и помещичьей преступности, преступности женской, несовершеннолетних и маргинальных слоев, однако аспект экономической преступности и противоправного поведения представителей городских буржуазных слоев получает меньшее внимание.

В то же время целая серия проведенных в Республике Беларусь конференций и круглых столов, посвященных городской истории, истории предпринимательства, торговли и банковского дела, а также широкий цикл публикаций в средствах массовой информации, воссоздающих память об известных краевых товарных марках времен Российской империи убедительно говорит о популярности, востребованности и перспективности данной тематики.

Целью данного дипломного исследования является определение специфики преступности в среде предпринимательских слоев белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX в., а именно причин и динамики совершения преступлений.

Задачи работы:

1) Выявить специфику и противоречия социальной трансформации купеческого сословия и появления новых слоев предпринимателей в белорусских губерниях в контексте реализации буржуазных реформ второй половины XIX в.

2) Обозначить специфику этно-конфессиональных отношений в предпринимательской среде, отразившуюся в описанных случаях преступлений.

3) Проанализировать уголовное законодательство, действовавшее на территории белорусских губерний Российской империи в этот период, и определить виды и сроки наказаний за преступления, наиболее распространенные среди выходцев из купеческого сословия.

4) Определить динамику развития преступности и систематизировать виды совершаемых уголовных правонарушений и их причины. Показать региональное, социальное и этно-конфессиональное измерение предпринимательской преступности.

Географические рамки исследования охватывают территорию пяти белорусских губерний в составе Российской империи (Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской). Вместе с тем следует отметить, что на рубеже XIX и XX в. они входили в разные судебные округа Российской империи – Могилевская губерния входила в Киевский судебный округ, Виленская, Гродненская и Минская – в Виленский судебный округ, Витебская в Санкт-Петербургский судебный округ), представляется сложным синхронно проанализировать все нюансы релевантной статистики. В основном, наиболее репрезентативными оказались найденные источники, которые содержат сведения по Витебской и Виленской губерний.

Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XIX в. (главным образом, с начала правления императора Александра II и проведенной им аграрной реформы 1861 г., стимулировавшей резкие изменения в социально-экономическом укладе страны и региона) и до начала Первой мировой войны. В это время была принята новая редакция Судебного уложения, была проведена Всероссийская перепись населения (1897 г.), проводили политику два последних российских императора – Александр III и Николай II.

Объектом исследования выступает совокупность общественных отношений периода модернизационных перемен в белорусском обществе второй половины XIX – начала XX в.

Предметом исследования является изучение закономерностей формирования противоправного поведения в среде предпринимателей, его динамики и характера проявлений в условиях трансформации традиционного белорусского общества.

Структура и объём работы: дипломная работа включает реферат на трех языках, введение, 3 главы, заключение, список источников и литературы, 2 приложения с табличными данными (114 наименований). Объём работы составляет 61 страниц.

В первой главе дается характеристика историографических тенденций изучения данной проблемы, обзор источников по теме исследования и методология исследования.

Во второй главе «Предпринимательские слои белорусских земель в модернизационных процессах второй половины XIX в. – начала XX в.» рассматриваются политико-правовые предпосылки и социально-экономические условия роста девиантных моделей поведения предпринимательских слоев в меняющемся общественном ландшафте белорусских губерний.

В третьей главе «Преступность в предпринимательской среде в Беларуси конца XIX – начала XX в.» раскрываются виды и специфика правонарушений со стороны предпринимателей, анализируется динамика преступности и проявления правонарушений в сфере мелкого предпринимательства и розничной торговли городов и местечек Беларуси.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

1.1 Историографический обзор.

Историография проблемы включает несколько этапов: дореволюционный период, советский период и период после возникновения независимой Республики Беларусь.

В рамках первого периода мы не можем встретить исследования, непосредственно касающиеся пяти белорусских губерний, однако на уровне общеимперской статистики и криминологии целая серия видных юристов (Е.Н. Тарновский, Д.А. Дриль) обращали внимание на социокультурные контекст феномена городской преступности, пытаясь это связать с возникающими тогда теориями социологии преступности и криминалистической антропологии. Первыми внимание на динамику преступности обратили правоведы, среди которых наибольшее количество публикаций издал Е.Н. Тарновский «Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874 – 1894 гг.)» (1889 г.); «Война и движение преступности в 1911–1916 гг.» (1918 г.). Важно отметить, что дореволюционные исследования стремились носить социологический характер – через табличную модель подачи статистики претендовать на выявление тенденций и закономерностей. Многие из наработок дореволюционных специалистов получили свое продолжение и в советский период, их труды продолжали издаваться в 1920-е гг., для сравнения криминогенной ситуации до и после революции [30, 31, 91, 92].

В социалистический период и особенно этап первоначально очень мало внимания уделялось исследованию локальных источников, касающихся негативных проявлений буржуазного или мещанского быта. Марксистско-ленинская парадигма сосредотачивала внимание исключительно на развитие революционного движения, в рамках которого такие сферы правонарушения как политический террор против власти рассматривался как прогрессивное явление. После Второй мировой войны вопросами статистики преступности в Российской империи занимался С.С. Остроумов, чья монография «Преступность и ее причины в дореволюционной России» выдержала два издания (1960, 1980) [74]. В конце 1980-х гг. к отдельным криминальным эпизодам в истории белорусских городов и деревни обращаются и отечественные историки, в частности, В.К. Бондарчик и другие авторы исследуют культурные и бытовые пласты жизни белорусских городов [25].

Кризис советской интерпретации истории Российской империи отчетливо проявил себя в конце 1980-х гг., когда сюжеты политической и

социальной истории получили свое новое освещение в трудах сторонников модернизации. В период после 1991 г. исследования преступности в Российской империи стали становиться актуальной темой работ историков. Первую комплексную статью «Преступность в России в XIX – начале XX» опубликовал в журнале «Отечественная история» в 1994 г. известный российский историк и социолог Б.Н. Миронов, показав возможность применения статистического анализа для изучения социальных процессов [48]. В последующих работах «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)» (2003 г.), «Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII - начало XX века» (2012 г.), «Российская империя: от традиции к модерну» (2015 г.) он существенно развил свой подход [49, 50].

Следует отметить, что в этот же период 1980 – 1990-х гг. зарубежная историография отмечена ростом интереса к исследованиям проблем преступности в Российской империи. Эта тенденция проявила себя в рамках моды на изучение истории повседневности, которая ориентировалась на изучение маргинальных групп общества (преступников, проституции, сумасшедших), что было определено отходом от традиционных линейно-позитивистских интерпретаций исторического процесса, пытавшихся дать объяснение историческому процессу исходя из какой-то универсальной и общей теории. В свою очередь в это время разрабатывается инструментарий исторической социологии, который пытается выработать более строгие приемы изучения процессов социальной динамики [101, 103].

В рамках растущего интереса к социальной истории Беларуси в современной историографии появляются новые работы, раскрывающие специфику модернизационных процессов в белорусских губерниях Российской империи. Одним из наиболее известных белорусских исследователей, занимающийся изучением проблемы трансформации белорусского общества во второй половине XIX – начале XX в., является профессор А.Г. Кохановский. В своей монографии «Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.)» А.Г. Кохановский показал особенности социальных изменений в белорусских губерниях в рассматриваемый период, в т.ч. определил характерные черты феномена преступности на территории Беларуси в это время, ставшей результатом социальной трансформации общества, разрушения традиционных социальных институтов, культурных и политических ценностных ориентиров, норм поведения и ослабления социального контроля [39, 40, 41].

Большое внимание в современной историографии уделяется динамике развития социальных групп, которые выступали одним из инициаторов изменений, в частности – купеческому сословию и предпринимателям. Среди таких работ, кроме уже названной монографии А.Г. Кохановского, монография Н.И. Полетаевой «Купечество Беларуси: 60-е гг. XIX – начало XX

вв.» [77], а также статьи А.В. Бурачонка «Прадпрымальніцкая дзейнасць купецтва і мяшчанства Беларусі ў сферы прамысловасці ў другой палове XIX – пачатку XX ст.», «Прамысловыя прадпрымальнікі ў сацыяльна-эканамічным жыцці Беларусі канца XIX – пачатку XX ст.», «Фарміраванне арганізацыйна-правовых асноў прамысловага прадпрымальніцтва ў Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XX ст.» [10, 11, 13], Л.Н. Семеновой, «Ремесленный Минск на исходе XIX столетия» [87], З.В. Шыбеки «Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX ст.)» [95].

В работе И.Г. Гушинского, защитившего в 2011 г. диссертацию на тему «Роля судовых устаноў у палітычным жыцці і сацыяльна-эканамічным развіцці Беларусі (1864–1914 гг.)», рассматривается влияние судебной реформы 1864 г. на становление практик суда на территории Беларуси, указав ряд противоречий (в том числе этно-конфессиональных), которые ставили польское и еврейское население в менее выгодное правовое положение на территории Северо-западного края [26].

Значимым и уникальным для белорусской историографии стало издание монографии в 2018 г. Д.П. Бригадина «Преступность в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.». Целью данной работы стало «выявление причин, характера и динамики противоправного поведения различных социальных групп в условиях модернизации белорусского общества» указанного периода. Подробно характеризуя социально-политические предпосылки и особенности модернизации на белорусских землях автор особенно останавливается на таких аспектах преступности белорусских сословий, включая крестьян, помещиков, городские слои, а также политическую преступность, связанную с размахом революционного движения накануне Первой мировой войны. В то же время в работе в силу ее комплексности в меньшей степени рассмотрены предпосылки и специфика преступности среди предпринимательских слоев белорусских губерний, которые в силу политических и этно-культурных причин не могли возглавить модернизационный процесс, как это происходило в странах Западной Европы [9].

Несмотря на то, что монография Д.П. Бригадина представляет собой убедительную попытку представить комплексное исследование изучаемого феномена, в современной белорусской историографии представлен целый ряд других авторов, которые плодотворно работают в направлении изучения истории преступности и девиантного поведения в белорусских городах периода Российской империи. Т.В. Воронич опубликовала цикл статей по сюжету преступлений, моральных правонарушений, мошенничества и злоупотреблений в пространстве белорусских городов конца XIX – начала XX в. Среди данных трудов следует выделить статьи «Царские власти в борьбе за моральность минчан: вторая половина XIX – начало XX в.»,

«Злоупотребления и мошенничества в розничной торговле городов и местечек Беларуси в конце XIX – начале XX веков» и др. Криминальной обстановке в губернском Гродно посвящены статьи А.Г. Радюка «Злачныя мясціны Гародні ў другой палове XIX ст.», «Гарадзенскі крымінал 70-х – пачатку 80-х гг. XIX ст.», А. Амбралевичютэ и др [1, 15, 17, 19, 81].

Изучение преступности в небольших городах и местечках в период Российской империи на примере Волковыска подробно представлено в масштабном исследовании историка-краеведа Н.И. Быховцева «Волковыщина: 120 лет в Российской империи (1795–1915)» [14]. Схожую тематику в отношении Могилева рассматривает Б.И. Сидоренко [88, 89].

Исследованию практик создания современного судебного производства и становление рационального подхода к преступности в Российской империи посвятили себя российские и зарубежные авторы, представляющие направление Новой интеллектуальной истории: А.И. Миллер, Л.Е. Горизонтов, М. Долбилов, И. Герасимов, А. Эдкинд, Дж. Бёрбэнк и др [5, 24, 29, 98].

Так редактор международного журнала «Ab Imperio», презентующего современные методологические подходы к изучению Новой имперской истории, доктор Ратгерского университета в Нью-Джерси Илья В. Герасимов в изданной в этом году монографии «Plebeian Modernity: Social Practices, Illegality, and the Urban Poor in Russia, 1906–1916» (Плебейская модернизация: социальные практики, беззаконие и городская бедность в России, 1906–1916), выполненной в рамках проекта «Этнические преступления, Имперский город: практики самоорганизации и парадоксы беззакония в поздней Российской империи», останавливается на значении феномена городской преступности для формирования так называемой "плебейской модерности". На примере Санкт-Петербурга, Одессы и Вильни он показывает, что с начала XX в. в городском пространстве Российской империи формируется культура избегания и игнорирования законных практик, для которой были характерны оппортунизм как жизненная стратегия, открытость к территориальной миграции и изменению мест работы, интенсивные контакты с представителями других этносов и конфессий, безразличие к государственной идеологии, что в итоге усложняло модернизацию по западному образцу и активно проявилось в поведении городских масс после революций 1917 г. Он обращает внимание, что практики нарушения правопорядка активно утвердили себя во время революционных событий, этнических погромов, и были обусловлены сложными отношениями между представителями разных этносов и конфессий (русскими, евреями, поляками) [103].

В отношении современной зарубежной историографии, большой интерес представляют работы англо-саксонских историков, продолжающих изучение истории пространства бывшей Российской империи в контексте новых цивили-

лизационных вызовов, которые представлены теорией евразийства и практиками культурной политики современной России.

Для данной работы интерес представляет исследование Дж. Нойбергер о городской преступности столицы Российской империи, работы Д. Бауэра о городской жизни во второй половине XIX в. В них указывается, что модернизационные процессы привели к росту социальной напряженности в городах накануне первой мировой войны и ищутся предпосылки для объяснения масштабу послереволюционного насилия [94]. Аналогичным образом Р. Пайпс анализирует взаимосвязь институтов царской бюрократии и рост девиантного поведения в российском обществе. В университетах Германии, Великобритании и США появилась целая серия работ, освещающих развитие преступных практик в городах в конце XIX в. (Эрик А. Джонсон, Пол Кнеппер, Маркус Д. Даббер) [108, 109].

В польской историографии при рассмотрении вопросов развития Беларуси второй половины XIX – начала XX в. преимущество уделяется изучению этнокультурных процессов, политическому компоненту, связанному с отражением состояния поляков на западных окраинах Российской империи. Социально-экономическая жизнь, в том числе вопросы социальной трансформации белорусского общества, находят фоновое отражение в обобщающих изданиях по истории Польши, где опять же присутствуют лишь отдельные аспекты, например, национальный состав населения, эмиграция (прежде всего, политическая), конфессиональная жизнь.

В свою очередь, в доступной нам польской историографии, попытки охарактеризовать явления преступности в указанный период начинаются в 1980-е гг. Это связано с тем, что исследователи сосредотачивали свое внимание скорее на изучении вопросов классовой борьбы, антицарских восстаний и движений. Такой известный факт, как участие Ю. Пилсудского в организации серий "экспроприаций", а по сути ограблений почтовых поездов в 1900-е гг. с наиболее известной акцией осуществленной у станции Безданы 26 сентября 1908 г. скорее мог свидетельствовать о положительности определенного вида преступлений для будущего освобождения Польши. Поэтому наиболее строгим путем пошла польский историк и социолог Эльжбета Качиньска (род. в 1934 г.). Начав с изучения социально-экономической истории Царства Польского впоследствии она обратилась к истории преступности и институтов наказания в Польше и России. Важнейшими ее работами являются «Człowiek przed sądem: społeczne aspekty przestępczości w Królestwie Polskim (1815–1914)» (1982, wyd. 1) и «Ludzie ukarani: więzienia i system kar w Królestwie Polskim 1815-1914» (1989) [105, 106]. Близкую ей тематику, однако на уровне статей затрагивали историк права Владислав Собоциньский и Себастиан Пятковский [110].

Учитывая, что тематика истории преступности и девиантного поведения является достаточно новой для отечественной историографии, может быть полезным обратиться к рассмотрению того, как изучается схожий феномен в исторической науке других стран, зарубежной историографии истории Российской империи. Следует отметить, что в последние годы появилось немало исследований истории преступности в период модернизации в среде чешской и польской историографии. Пользуясь возможностью изучать библиотеки Чешской республики во время нахождения на научно-образовательной стажировке в Западно-чешском университете, было проведено собственное исследование, как вопросы истории преступности (в том числе в среде предпринимательских кругов) изучаются в Центральной Европе, из каких методологических предпосылок исходят чешские авторы.

Среди главных чешских работ следует отметить комплексное издание, посвященное истории преступности и правонарушений в чешской истории, вышедшей в серии «Большая история Короны Чешской», изданное в 2011 г. Там целый раздел посвящен истории преступности в мультиэтническом пространстве чешских земель в составе Австро-венгерской монархии [113]. В 2010 г. в Западно-чешском университете состоялась конференция «Преступление и наказание в чешской культуре 19 столетия», доклады которой были изданы в одноименном сборнике в 2011 г. Принявшие в ней участие чешские историки рассмотрели сюжеты феномена преступности и борьбы с ней в рамках моделей просвещенного абсолютизма в Габсбургской монархии, утверждение современной модели уголовного суда и структур мест заключения, региональное измерение преступности, преступность в городах, местечках и сельской местности, социальные и межэтнические конфликты, проявлявшие себя через правонарушения. Отдельное внимание было уделено и сюжетам экономической преступности, где на конкретных примерах описывались истории известных хозяйственных и финансовых махинаций и мошенничества [114]. Следует отметить, что история известных преступлений 19 столетия в чешской истории представлена в целой серии краеведческих и научно-популярных работ. Есть издания, посвященные историям известных грабителей, мошенников, своеобразные путеводители по преступным и маргинальным местам Праги и других чешских городов [112].

1.2 Обзор источников по теме исследования.

Основные группы источников, использованные при написании данной работы можно разделить на законодательные и статистические, хотя поставленная тема несомненно требует привлечения и источников делопроизводственных, периодической печати и источников личного характера.

Из законодательных источников ключевым выступили нормативные правовые акты – законодательные акты Российской империи «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», первоначально изданное в 1845 г., включавшее 2234 статьи, определяющие те или иные преступления. В 1885 г. вышла обновленная версия «Уложения» под редакцией профессора Санкт-Петербургского университета С.Н. Таганцева, которая потом также неоднократно переиздавалась [93].

Одним из важных источников по определению динамики преступности в белорусских губерниях являются ежегодно издававшиеся «Обзоры губерний». В них содержалась информация о количестве совершенных преступлений по категориям «Преступления и проступки против порядка управления», «Преступления и проступки по службе государственной и общественной», «Преступления и проступки против общественного благоустройства и благочиния», «Преступления и проступки против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц» и «Преступления и проступки против собственности частных лиц» за каждый предшествующий год. В работе представлены результаты изучения 19 «Обзоров» пяти белорусских губерний в отрезке от 1885 г. до 1911 г. [54–74]. На основании этого была составлена обзорная таблица по численности преступлений, распределенных по губерниям и категориям, размещенная в Приложении А.

Другим значимым статистическим источником выступили «Сводные статистические сведения о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебным – мировым установлениям и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года», издаваемые также на ежегодной основе, что позволило проанализировать преступность в городах Беларуси в свете общеимперских тенденций [83–86].

Одним из статистических источников является «Статистический временник Российской империи» (с 1888 г. – «Временник Центрального статистического комитета МВД»), издававшийся с 1866 г., в котором содержатся и данные по уголовной статистике. Несмотря на нерегулярность его издания с 1880-х гг. он позволяет аккумулировать данные и определить тенденции в динамике девиантного поведения населения губерний Российской империи.

При написании работы также использовались фундаментальные статистические данные, опубликованные в приложениях работ Е.Н. Тарновского и С.С. Остроумова [74, 92]. Данные о динамике роста и деятельности представителей купеческого сословия взяты из приложений к монографии профессора А.Г. Кохановского «Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.)» а также Д.П. Бригадина «Преступность в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.» [8, 39].

В качестве источника личного происхождения, отражающего быт и нравы преступников и правоохранителей того времени, удалось обратиться к мемуарам руководителя уголовного розыска Российской империи А.Ф. Кошко «Очерки уголовного мира царской России. Воспоминания бывшего начальника Московской сыскной полиции и заведывающего всем уголовным розыском Империи», бывшего уроженцем Минской губернии и достигшего высот в Министерстве внутренних дел. Воспоминания А.Ф. Кошко были изданы в эмиграции в Париже, однако с начала 1990-х гг. неоднократно переиздавались в России и на Украине [44]. В 2017 г. анонсировали создание памятника белорусскому следователю, который должен быть установлен в этом году рядом со зданием МВД Российской Федерации в Москве [45].

Отдельные аспекты повседневной жизни населения Минщины, в том числе, связанные с противоправным поведением, описаны в мемуарах этнографа Адама Егоровича Богдановича (1862 – 1940). Занявшись их написанием уже в почтенном возрасте в 1930-е гг. и проживая в России, он, как уроженец местечка Холопеничи Борисовского уезда Минской губернии, описывает множество повседневных ситуаций, создававших событийный фон жизни его малой родины [4].

Эпизоды городской преступности и быта в среде виленского еврейского мещанства второй половины XIX в. нашли отражение в мемуарах А.Г. Ковнера «Из записок еврея», изданных в 2000 г. в издании «Евреи в России. XIX век (Серия «Россия в мемуарах»)» [43].

Другим важным источником для определения подходов царской власти к борьбе с преступностью являются очерки известного следователя и юриста Д.А. Дриля (1846–1910), изданные на рубеже XIX и XX в. Во всех своих научных трудах Дриль, как последователь уголовно-антропологической школы, созданной Ч. Ломброзо, являлся ярким оппонентом «классической школы» уголовного права, определяя преступность как способ выражения врожденных и приобретенных аномалий в душевной организации и нервной системе преступника, которого по этой причине следует более лечить, чем наказывать, таким образом, обращая внимание на социокультурные причины возникновения современной ему преступности [30, 31].

1.3 Методология исследования.

В основу методологии исследования положена теория модернизации, которая в современной белорусской историографической традиции апеллирует к процессам перехода традиционного общества в индустриальное. Составными частями данных процессов выступает не только экономическое развитие, но и многоуровневые изменения и социальная мобильность в разрезе различных со-

циальных групп, урбанизация, бюрократизация, создания современной правовой и карательной систем.

В то же время ограниченность модернизационных процессов на территории белорусских губерний проявлялась в замедленном формировании предпринимательской инициативы и частых попытках нарушить закон в обход установленных правил.

Исследование основывается на общенаучных принципах объективности, историзма, системности, и ценностного измерения в истории.

В исследовании были применены специальные исторические методы: историко-генетический (определение причин изменения динамики противоправных действий), историко-системный (рассмотрение преступности как общего феномена социальной трансформации), историко-сравнительный (Изучение уровня криминогенности различных групп социума, а также между населением отдельных белорусских и соседних губерний). Использование данных методов, а также конкретных кейсов преступных дел позволяет реконструировать основные тренды противоправной деятельности в предпринимательской среде белорусских губерний в изучаемый период.

ГЛАВА 2. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ СЛОИ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. – НАЧАЛА XX В.

2.1 Социальная трансформация купеческого сословия в белорусских губерниях в контексте реализации буржуазных реформ второй половины XIX в.

Капиталистическая социальная трансформация и урбанизация затронула земли Российской империи в меньшей степени, чем страны Западной Европы. В 1890 г. доля городского населения в России составляла всего 12,5 %, в то время как в Германии – 47 %, в Австро-Венгрии – 32,5% [50, с. 381]. В отношении белорусских губерний, за период 1863 – 1897 гг. в городах проживало и того меньше – около 10% населения [95, с. 59].

Торгово-промышленная буржуазия Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. состояла в основном из представителей гильдейского купечества. С развитием рыночных отношений в экономике участие в торгово-промышленной деятельности представителей других сословий стало более широким. Однако вести ее в сравнительно больших объемах можно было только при условии приобретения гильдейских свидетельств, сохраняя свой прежний сословный статус. Для евреев-предпринимателей сохранялся принцип сословности, предусматривавший приписку к купечеству для занятий промышленностью и торговлей.

Промышленное предпринимательство занимало важное место в активности городского населения белорусских губерний – купечества и мещанства. Отсутствие традиционной для феодального строя сословной замкнутости способствовало тому, что во время буржуазных преобразований купечество не только не являлось препятствием для формирования промышленного предпринимательства, но и первым подвергалось воздействию «социальной эрозии» и превращалось в «социальный анахронизм». Наиболее яркой особенностью, которая отличала купечество от других социальных групп, из которых состояла промышленная элита Беларуси, стала равномерность представительства этого сословия во всех сферах производства, за исключением винокурения – традиционной сфере деятельности дворянства.

Купеческое сословие, несмотря на своё постепенное сокращение, не только в конце XIX в., но и в начале следующего века, продолжало оставаться важным сегментом белорусских промышленников. В начале XX в., на завершающем этапе своей истории, белорусское купечество

представляло собой довольно разнообразную среду, в которой все было разделено по сфере занятий, имущественному положению и весу в обществе. В это время наблюдается тенденция к сокращению купеческих предприятий мелкого и среднего размеров и в то же время увеличения крупных.

Мещанское сословие традиционно было самой близкой к купечеству группой городского населения. Мещане по закону являлись мелкими предпринимателями, которые еще в дореформенный период были наделены правом заниматься мелкой торговлей и промыслами во всех городах. Кроме этого, граница, которая разделяла два сословия, была очень шаткой: разорившиеся купцы должны были вступать в состав мещанства, а разбогатев мещане без труда переходили в купечество. Примечательно, что выходцы из мещанского сословия являлись собственниками в основном мелких предприятий, реже – средних и крупных. Еще одной особенностью мещанства была относительная равномерность распределения по отраслям производства, хотя и не в такой степени, как у купечества [12, с. 132].

В соответствии с опубликованными статистическими данными в начале XX в. (1910–1912 гг.) купцы составляли в составе населения Виленской губернии – 0,2 %, Витебской – 0,3 %, Гродненской – 0,3 %, Могилевской – 0,2 % [39, с. 321]. Тем не менее доля активного в сфере торговля и транспорта населения в белорусских городах оставалась более высокой по общеимперскому уровню: 25,2% (в среднем по России – 21%) [10, с. 85].

Законами 1 января 1863 года и 9 февраля 1865 г. устанавливались принципы бессословности и равенства всех граждан в занятиях торговлей и промыслами. Однако принцип бессословности касался прежде всего мелкого розничной торговли и промыслов, в то время как оптовая и розничная торговля, организация фабрик и заводов оставались преимущественным правом купечества [37, с. 20–21]. Новым положением 1863 г. свидетельства на право торговли и других промыслов разделялись на гильдейские или купеческие, которые давали их владельцам, кроме права возможности заниматься торговлей, преимущества принадлежности к купеческому сословию, и промышленные, которые не давали личных преимуществ, кроме возможности заниматься торговлей. Купеческие свидетельства устанавливались двух разрядов: первой гильдии для оптовой торговли и второй гильдии для торговли в розницу. Промышленные свидетельства выдавались для мелкой торговли, развозной и разносной торговли, мещанских промыслов и купеческим приказчикам.

Сословные ограничения для занятий торговлей и промыслами окончательно были устранены введением нового Положения о государственном промышленном налоге 1898 г. Под его действие попадали торговые предприятия, в том числе те, что занимались кредитной, страховой,

посреднической деятельностью, а также промышленные предприятия, фабрично-заводские, ремесленнические, личные промышленные занятия и др. Государственный промышленный налог состоял из основного и дополнительного. Основной промышленный налог уплачивался через приобретение промышленных свидетельств. Новый промышленный налог позволял представителям всех сословий распоряжаться различными по величине и типу предприятиями, не будучи связанным наличием гильдейского статуса.

В 1900 г. 38,9 % всех промышленных предприятий Беларуси принадлежала дворянам, 18,1% – мещанам, 17,6% – купцам, 0,7% – крестьянам, 1,2% – иностранным гражданам. К началу XX в. в Беларуси насчитывалось 71 тыс. представителей крупной и богатой буржуазии и 92 тыс. ремесленников и мелких торговцев [39, с. 230–231].

В 1860 г. в Беларуси было 1650 купцов 3 гильдии, в 1897 г. 18282 человека. Право купеческого статуса терялось в результате завершения срока действия торгового свидетельства, лишения права торговли на основании решения суда или в результате банкротства.

Первоначально в российском законодательстве купец ассоциировался почти исключительно с торговым предпринимательством. С разрастанием и усложнением форм и размеров хозяйственной деятельности в сословную группу купцов были включены представители всех видов предпринимательской деятельности в относительно крупных размерах. Такая ситуация сохранялась до конца XIX в., до принятия в 1898 г. Положения о государственном промышленном налоге. После его издания стало необязательным для приобретения промышленного свидетельства с целью занятий предпринимательством записываться в купеческое звание. Сословные преимущества приобретают во многом декларативный характер. Но для купчества Беларуси весьма актуальной оставалась единственная его реальная корпоративная льгота, которая лишала необходимости приписки, что было обязательным, например, для крестьян и мещан [37, с. 214]. Это освобождало от иногда объемной волокиты по откреплению от своей общины и особенно существенной была для местной еврейской буржуазии, потому что давало право на жительство вне черты оседлости.

Купеческое сословие было достаточно открытым для приема в свой состав новых членов. Процедура причисления к нему была упрощенной, согласие со стороны соответствующей корпоративной организации не требовалось. Зачисляться в купчество могли представители всех сословий, за исключением дворян и почетных граждан, даже при условии приобретения промышленных свидетельств должны были сохранять свою сословную принадлежность. Для выходцев из податных сословий зачисление в купчество

сопровождалось необходимостью получения открепления от их общины. Купечество в рассматриваемое время было единственным сословием, вступление в ряды которого полностью зависела от ежегодной уплаты определенного денежного взноса. Купцами одной из двух гильдий становились те, кто уплачивал соответствующие гильдейские пошлины.

В 1863 г. была ликвидирована третья гильдия купечества. Купцы, которые не приобретали на новый срок свои гильдейские свидетельства, считались выбывшими из купеческого сословия и приписывались к мещанской общине, но с ее согласия. Приобретение гильдейских документов сопровождалось одновременной покупкой промышленных свидетельств: для первой гильдии – на торговые предприятия первого разряда, на промышленные первых трех разрядов. Для второй гильдии – свидетельства на торговые предприятия второго разряда или на промышленные четвертого и пятого разрядов. Стоимость гильдейских документов вместе с промышленными свидетельствами и другими сборами достигали достаточно значительной суммы и были доступны лишь состоятельным лицам. Количество таких лиц была сравнительно небольшим, но среди них значительно преобладали те, кто выбирал документы второй гильдии. Так, в 1865 г. в Виленской губернии было выкуплено купеческих свидетельств первой гильдии 15, второй гильдии – 265. В Витебской губернии были выбраны за это время 21 документ первой гильдии, 605 – второй гильдии. В Минской губернии соответственно – 21 документ первой гильдии, 441 – второй гильдии [39, с. 204].

В соответствии с циркуляром Министерства финансов от 7 декабря 1891 г. купцы, которые приобретали свидетельства для получения одних только гильдейских прав, должны были в любом случае приобретать также один из возможных билетов на торговое или промышленное учреждение. Купеческий сын, который был записан в один патент с главой семьи, по достижении 17-летнего возраста должен был получать годовое свидетельство о принадлежности к купеческой семье с уплатой соответствующего денежного сбора. Положением 1898 г. изменялся порядок причисления к другим сословиям лиц, которые оставляли купеческое сословие. Отныне те, кто не выкупал гильдейское свидетельство, стали считаться лицами, которые выбирают род жизни, после чего могли восстановить свою принадлежность к купечеству или записаться в мещанскую общину, на что не требовалось согласия последней, или к крестьянам, но по общим правилам. Одновременно требования при переходе в купеческий сословие возросли. В начале XX в. купеческое сословие в значительной степени не было связано с предпринимательской деятельностью [77, с. 51].

По подсчетам Н.И. Полетаевой, в последние десятилетия XIX в. наблюдалась тенденция увеличения удельного веса среди избранных

купеческих документов первой гильдии. В Гродненской губернии удельный вес свидетельств первой гильдии вырос с 2,6% в 1886 г. до 6,1% в 1898 году, в Минской губернии – с 5,1% в 1875 г. до 6,8% в 1898 г., в Витебской – с 3,3% в 1881 г. до 8,1% в 1898 году, в Могилевской – с 2,6% в 1878 г. до 9,2% в 1898 г. [77, с. 82].

2.2 Этно-конфессиональные и культурные факторы противоправных проявлений среди предпринимателей белорусских губерний.

Как отмечают современные исследователи, сторонники и критики модернизационных процессов, для законодательных, исполнительных и судебных практик создающегося современного государства, особенно в формате больших империй было характерно стремление максимально упорядочить и рационализировать управленческие процессы. Это находило свое отражение в все более сложной регламентации разнообразных сфер жизни граждан, что с одной стороны должно было бы способствовать эффективности управления, а с другой – определяло существующие модели отношений между индивидами не с точки зрения сложившейся традиции, а с точки зрения универсального закона. С учетом сословных ограничений, существовавших в Российской империи, большинство активных и предприимчивых граждан имело возможность реализовывать себя только в рамках своего корпоративного этажа. Попытки выйти за его пределы могли привести к конфликтности, а в ряде случаев – и к репрессиям со стороны власти, что нашло свое проявление в жестко регламентированном и ограничивающем с современной точки зрения в правах законодательстве, касающихся прав гильдейских купцов, мещан, кухаркиных детей и других в разной степени статусных социальных групп.

На примере сравнения моделей сословной преступности в двух близких регионах Российской империи - Северо-западного края и Царства Польского, мы можем проследить социальную динамику преступлений и правонарушений. Для этого может помочь сопоставление социально-экономических процессов, происходящих в наиболее исторически и культурно близких регионах – Восточных территориях Царства Польского и Западных губерний Северо-Западного края. На это обращает внимание Э. Качиньска в своей работе «Общество и хозяйство северно-восточных землях Королевства Польского в период рассвета капитализма» («Społeczeństwo i gospodarka północno-wschodnich ziem Królestwa Polskiego w okresie rozkwitu kapitalizmu»). Она выделяет восточный регион Царства Польского – Ломжинскую и Сувалкскую губернии, которые оказались на

периферии развития капиталистических процессов в это время [107]. Изучив масштабный исторический источник, список всех ремесленных заведений с 1892 г., представленный в виде анкет, она на основании статистического анализа обнаружила, что восточные территории Царства Польского были поражены «всеобщей отсталостью», в них продолжал действовать традиционный уклад в экономике, изоляция в предпринимательских связях, что вызывало большой миграционный отток, а также побуждало население к нелегальным промыслам и контрабанде [107, s. 320].

В свою очередь доминирующие в среде собственников мелкие дворяне и зажиточные крестьяне, ориентировались на экономическую автаркию, что способствовало исключению из экономической сферы больших социальных групп, особенно в городах. Качиньская отмечает, что в отличие от распространённого мнения, которое ввел еще теоретик польского национализма Роман Дмовский, о том, что развитию польской экономики мешает сосредоточение капиталов в руках у еврейского населения, в реальности евреи занимали самую низшую позицию в экономической жизни, поскольку их жизнь была также замкнута и изолирована от капиталистических макропроцессов.

После восстания 1863 г. белорусские и литовские губернии рассматривались царским правительством, как регион, где происходило наиболее жесткая борьба с польским влиянием. В отличие от этнически польских земель степень русификации и игнорирование местной специфики в Северно-западном крае преследовали цель минимизировать влияние польского языка и культуры, о чем свидетельствует ряд ограничительных законов, особенно в отношении католического и иудейского населения. Штефан Роденвальд в своем исследовании, посвященной попыткам интеграции белорусских губерний в культурную и идеологическую сферу Российской империи в середине XIX столетия отмечает, что в источниках, посвященных описанию края, таких как «Памятные книжки губерний», в газетах и анонимных письмах прослеживается критика польского и еврейского населения, которое держит в своих руках всю предпринимательскую активность [82, с. 531–533]. При всей субъективности этих источников межэтнические отношения также могли выступать как фактор совершения преступлений.

Здесь ситуация отличалась от польской, в которой несмотря на активное направление чиновников из России продолжал доминировать польский элемент в администрации и полиции, и даже порой обязательное требование знания русского языка обходилось, иногда путем покупок фальшивых справок [29, с. 103]. Сложность этно-конфессиональной ситуации заключалась и в том, что польские евреи очень часто привлекались

полицейскими органами в качестве информаторов [29, с. 336]. В свою очередь, в белорусских губерниях в качестве негативного примера на уровнях слухов и страхов фигурировал образ полицейского нехристианского вероисповедования, например, мусульманина, татарина [29, с. 255].

Среди купечества Беларуси, по данным переписи 1897 года, подавляющее большинство составляли лица, которые признали в качестве родного языка идиш. По губерниям удельный вес этих лиц распределилась следующим образом: Виленская – 77,7%; Витебская – 84,85%; Гродненская – 81,4%; Могилевская – 90,79%; Минская – 86,02%. Следующая по численности была группа купцов, которая определила русский язык родным. По губерниям цифровые показатели в соответствующем порядке распределялись следующим образом: 16,5%; 10,6%; 11,08%; 5,81%; 11,22%. Третьем по величине стал купеческая среда с белорусским языком в качестве родного: 0,2%; 1,98%; 2,17%; 1,22%; 2,54%. Польский язык признали родным соответственно по губерниям 3,15%; 0,68%; 0,13%; 0,26%; 0,85% купцов. Приведенные данные говорят о том, что наибольшее количество русскоязычных купцов проживало в западной части Беларуси, а признавших в качестве родного языка еврейский – в восточной [39, с. 206].

Для белорусских и польских губерний двумя важными факторами, влияющими на ситуацию с преступностью оказались слабость капиталистических отношений в городе и на селе, когда шанс на развитие получали лишь территории, оказавшиеся на линиях железных дорог, и этноконфессиональная политика царского правительства, направленная на ограничение польского и еврейского элементов, специфика реформирования правоохранительных органов.

На неоднозначность такого культурного фактора как урбанизация и повышение грамотности в отношении криминогенного поведения выходцев из сельской периферии указывает в своих воспоминаниях А.Е. Богданович, отец известного белорусского поэта. Описывая путь одного из своих земляков, прославившихся своей криминальной предприимчивостью, он отмечал, что для старшее поколение видело причину зла в городском образовании: «Он был первым из холопенцев, который поехал учиться в среднюю школу. Его проступки ставились на счет школы и образования. Его отец говорил моему отцу: “Не отдавай своего: разбэсціцца так жэ, як і мой”» [4, с. 504].

Этнический фактор часто прослеживается при фиксации совершаемых преступлений: большинства участников правонарушений в предпринимательской среде имели еврейское происхождение. Следует отметить, что в сфере левого политического активизма, рабочего движения доминирующая роль представителей данной этнической группы также более, чем заметна.

Все это может стать основанием для постановки вопроса о специфике белорусских губерний с ракурсов, как предпринимательского, так и криминального. Самый известный на территории Беларуси начала XX в. еврейский погром в Гомеле 29 августа – 1 сентября 1903 г., жертвами которого стало 9 человек, разгорелся на городском базаре, в результате конфликта между торговкой-иудейкой Малицкой и покупателем-христианином Шалыковым [10, с. 100–101; 90].

Интересно, что в это же время в рамках нарождающейся социологии, претендовавшей на универсальное толкование исторических социальных процессов, имел место известный спор между немецкими мыслителями Вернером Зомбартом и Максом Вебером относительно исключительной роли евреев в развитии предпринимательской инициативы. В этом научном споре классик социологии М. Вебер создает известный труд «Протестантская этика и дух капитализма». На основании статистических выкладок Вебер настаивает на то, что в странах со смешанным вероисповеданием неизменно обращает на себя внимание доминирование протестантов среди владельцев капитала и предпринимателей, а также среди высококвалифицированных слоев рабочих, высшего технического и коммерческого персонала современных предприятий. При этом М. Вебер и его последователи достаточно скептически относились к предпринимательскому потенциалу православной культуры, говоря о том, что православие в целом либо индифферентно к экономической жизни, либо открыто противопоставляет себя ей, поскольку не формирует специфических духовных ориентиров к предпринимательской активности [35].

М. Вебер отмечает, что религиозные меньшинства, чаще всего, в хозяйственном отношении оказываются более успешными, чем основная масса – «именно потому, что они добровольно или вынужденно отказываются от политического влияния и политической деятельности, – концентрируют все свои усилия в сфере предпринимательства; этим путем наиболее одаренные их представители стремятся удовлетворить свое честолюбие, которое не находит себе применения на государственной службе».

Не ставя задачу сравнить модели деловой, коммерческой культур и практик нарушения закона в западных странах и на землях Беларуси, где модернизация проходила по догоняющей модели, и как отмечал А.Г. Кохановский, «центральная власть, оставаясь вне модернизационного тренда, оказывала сдерживающее влияние на модернизацию белорусских губерний, что было связано со стремлением контроля и унификации культурного пространства западных губерний», следует отметить, что социальный статус предпринимателя, особенно мелкого, и еврейского происхождения был несопоставимо мал [39, с. 52].

Фиксируемые в полицейских источниках практики нарушения законов и предписаний способствовали созданию образа такого предпринимателя как мошенника и нечестного человека. Формирование капиталистической этики в западных странах привело к этической легитимизации предпринимательской деятельности, когда обогащение отдельных активных индивидов признается законным и оправданным с точки зрения большинства населения, не занятого непосредственно экономической активностью, поскольку оно также трудится, добиваясь успеха как благословения Божьего, и ведет такой же, организованный образ жизни. В контексте российской модернизации, развитие оказывается неорганичным, основанным не на внутренних потребностях общества. Предпринимательство в дореволюционной России было нравственно легитимным постольку, поскольку могло быть связано с государственным служением и социальной ответственностью (благотворительностью, меценатской деятельностью). Надо отметить, что в российском контексте было свойственно более терпимое и гуманное, чем в Западной Европе отношение к неуспешным хозяевам, а также к бедным и обездоленным. Соответственно, и общественное порицание предпринимательских поступков могло быть более мягким, что способствовало рецидивам, которые активно фиксируются в полицейских отчетах.

Пример, приведенный Д.П. Бригадиным в своем исследовании преступности в Беларуси в период поздней Российской империи говорят о противоречивости позиции предпринимателя, который мог оказаться наказан за излишнее рвение и стремление совместить личный корыстный и общественный интересы. Одним из часто нарушаемых торговых правил был запрет на торговлю в определенные часы. Так, городскому судье 2-го участка Минска 7 декабря 1901 г. поступило дело по обвинению купца М. Брони в торговле в неурочное время. Согласно показаний околичного надзирателя, принадлежавший купцу галантерейный магазин на ул. Екатерининской продолжал работать после семи часов вечера в праздничный день, что запрещалось постановлением Минской городской думы. Судья пришел к выводу, что такое постановление Думы входит в противоречие с 14 статьей Устава о предупреждении и пресечении преступлений, и 17 января 1902 г. оправдал ответчика [8, с. 111].

Согласно теории преступности и экономических условий, которую в 1905 году предложил стоявший на позициях марксизма голландский криминолог и социолог Уиллем Адриан Бонгер (1876–1940), существует диалектическая связь между преступностью и социально-экономическими условиями, и в том, что преступление являясь социальным явлением, представляет нормальную реакцию на господствующие культурные условия. Считая капиталистическую модернизацию фактором, провоцирующим рост

преступности, Бонгер обосновывает социально-экономические предпосылки противоправных действий: конкуренция и экономическое отчуждение создают эгоистичный моральный климат, приводит к деморализации, а эгоистические и деморализованные лица более мотивированы к преступному поведению [75, с. 129].

В судебной практике имели место и случаи конфронтации цеховых ремесленных организаций с самочинно возникавшими предпринимательскими инициативами внецеховых мастеров, которые в свою очередь, пытались действовать также на законных основаниях. Цеховые ремесленники Минска обнаружили, что слесари, кузнецы и столяры, служащие на железной дороге, частным образом занимались соответствующими ремеслами в свободное от основной работы время. Самостоятельно запретить это «неправильное производство в черте Минска» ремесленная управа не решилась. В августе 1880 г. исполняющий обязанности ремесленного головы Адам Марецкий имел «честь просить Его Высокоблагородие господина пристава 1-й части Минска командировать помощника своего для бытности и составления акта старшиною слесарно-кузнечного цеха относительно лиц неправильно производящих частным образом слесарно-кузнечное и столярное ремесло». Командированный помощник пристава Еленский способствовал решению дела в пользу слесарно-кузнечного цеха, защитив его от капиталистической предприимчивости умельцев с железной дороги [87, с. 160].

Сложность и неоднозначность в подходах к расследованию преступлений была обусловлена как постоянной нехваткой полицейских и следственных кадров, затянутым делопроизводством и волокитой, а также иногда и наличием корыстного интереса правоохранителей, который едва ли можно зафиксировать в источниках, кроме случаев, когда сам представитель полиции не становился объектом следствия за получение взятки.

Тем не менее, обозначенные факторы позволяют с разных позиций обосновать взаимосвязь модернизационного пути, по которому шли белорусские губернии в составе Российской империи с динамикой и причинами преступлений. Сформировавшееся в 1980–1990-е гг. представление о социальной модернизации основывается на идее многонаправленности и нелинейности развития обществ догоняющей модернизации, что позволяет зафиксировать региональную и культурную специфику.

2.3 Специфика уголовного наказания за преступления в сфере предпринимательства в городах в Российской империи в XIX – начале XX в.

При анализе уголовного и судебного законодательства Российской империи второй половины XIX – начала XX в. нужно учитывать, что для данной судебной системы был характерен правовой плюрализм. в зависимости от региона и местных обычаев и состава преступления следствия и суды осуществлялись разными инстанциями – как правило или мировыми судами, или различными муниципальными судебными институциями [3, с. 319–358].

Тем не менее необходимость кодифицировать и свести воедино многочисленные разрозненные уголовные нормы, принятые ранее, а также общая тенденция к рационализации государственного администрирования привели к разработке на новом юридическом уровне, с учетом мировых достижений уголовного права первого прообраза уголовного кодекса в истории Российской империи.

15 августа 1845 г. было принято, а с 1 мая 1846 г. вступило в действие Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, как современный для того времени уголовный кодекс Российской Империи. Изначально в нём содержалось 2224 статьи. В 1857 г. в рамках третьего издания Свода законов Российской империи вышло следующее издание Уложения, которое помещалось в 1-й книге тома XV, при этом количество статей в нём возросло до 2304. В дальнейшем, в четвёртом издании 1885 г. количество статей было уменьшено до 1711 [93]. Все нормативные дополнения Уложения издавались далее в ежегодных продолжениях, что позволяло не нарушать единожды созданный порядок статей.

Уложение представляло собой в большей степени сборник норм, нежели единый цельный и систематизированный акт законодательства. Составители Уложения ставили цель свести воедино все накопившиеся за предыдущий период заключенные в уголовно-правовые нормы практики. Отсутствие обобщающих понятий вместе с невысокой законодательной техникой приводили к часто многословному описанию отдельных проявлений преступлений одного и того же вида, а это с неизбежностью повлекло за собой расширение за счет неоправданно большого количества статей. При всем этом Уложение было значительным прогрессивным шагом с целью создания уголовного кодекса в его современном значении.

Уложение подразумевало подразделение наказаний на ряд категорий: уголовные (смертная казнь, каторга, ссылка), которые сопровождалась лишением всех прав состояния, и исправительные (ссылка в Сибирь и ссылка на жительство в отдалённые губернии империи), сопровождавшиеся лишением всех сословных и служебных прав. Лицам, не освобождённым от телес-

ных наказаний, могли быть назначены от десяти до ста ударов плетью, а ссылка на поселение заменялась исправительными арестантскими работами на срок от 1 до 10 лет, например, при строительстве железных дорог.

В качестве дополнительных наказаний подтверждалось применение церковного покаяния, конфискации имущества, отдачи под надзор полиции и др. В апреле 1863 г. начался постепенный процесс отказа от применения телесных наказаний, которые в августе 1864 г. были отменены уже для всего царства Польского.

Уложение 1845 г., по сравнению с предшествующим законодательством, более чётко установило виды составов имущественных преступлений, таких, как кража, грабеж, разбой, присвоение, растрата, уничтожение чужого имущества и др. Значительное преимущество Уложения 1845 г. состояло в том, что в отличие от ранее действующих правовых постановлений, где санкция носила часто неопределенный характер, в исследуемом документе она получила конкретное закрепление (вид и размер).

По степени проработанности и масштабности Уложение 1845 г. заняло центральное место в уголовном законодательстве, направленном на борьбу с преступлениями против собственности в рассматриваемый период. Тем не менее, с точки зрения современной юридической литературы составители Уложения оставили немало пробелов в определении видов конкретных экономических преступлений, как, например, в статьях 1665–1676, не проводилось разделение на такие виды мошенничества как простое, легкое, тяжкое и квалифицированное.

Первый раздел Уложения «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще» представлял собой общую часть уголовного кодекса включал главу «О определении наказаний по преступлениям».

Релевантными статьями, по которым могли быть судимы купцы могли быть в Разделе VII. «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны» статьи: «О нарушении постановлений о питейном и табачном сборах и об акцизе с сахара», ст. 665, «О взысканиях и наказаниях за нарушение уставов таможенных по торговле Европейской», ст. 744–776, «О взысканиях и наказаниях за тайный провоз товаров», ст. 744–764, «О взысканиях и наказаниях за нарушение правил, установленных для привоза и вывоза товаров», ст. 766–771, «О взысканиях за нарушения правил, установленных для перевоза товаров из одних таможен в другие для отвоза товаров», ст. 772–776.

В разделе VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» такими нормами были статьи «О нарушении постановлений для обеспечения народного продовольствия», ст. 901–9211. Существовала целая Глава XIII. «О нарушении уставов торговых», ст. 1169–

1345, которая включала статьи, сгруппированные в отделы «О нарушении постановлений о праве на торговлю», ст. 1169–11721, «О нарушении правил о производстве торговли», ст. 1173–1181, «О нарушении правил о договорах найма купеческих приказчиков и лавочных сидельцев», ст. 1183–1193, «О нарушении постановлений о торговых обществах, товариществах и компаниях», ст. 1194–1202. Действовали также статьи Отдела «О нарушении уставов торговых учреждений», ст. 1275–1299, в частности, «О нарушении уставов о бирже», ст. 1275–1279, «О нарушении положения о городских торговых амбарах и магазинах», ст. 1280–1286, «О нарушении правил для бракования товаров», ст. 1287–1299.

Целый блок новел, объединенный в главу «О преступлениях и проступках по договорам и другим обязательствам», ст. 1686–1711, покрывал вопросы: «О принуждении к даче обязательств», ст. 1686 и 1687, «Об обмане для побуждения к даче обязательств», ст. 1688 и 1689, «О подлогах в актах и обязательствах», ст. 1690–1698, «О преступлениях и проступках по некоторым обязательствам в особенности», ст. 1699–1711, как то: I. «По купле-продаже», ст. 1699–1703, II. «По отдаче имущества в наем, временное владение, или на сохранение», ст. 1704, III. «По займам», ст. 1705–1706, IV. «По доверенностям», ст. 1709–1711.

Помимо краж, для ситуаций торговых сделок, совершаемых купцами могли применяться такой вид имущественного преступления, как присвоение. «О присвоении через подлог или иного рода обманы чужого недвижимого имущества» составляют ст. 2188–2191, «О присвоении вверенного чужого движимого имущества» – ст. 2192, «О присвоении найденной вещи» – ст. 2193 и ст. 2194. Другими статьями были «Обмер или обвес при продажах» (ст. 2177); «подмена вещей при перевозке» (ст. 2180).

Предусматривалась и ответственность за неоднократное совершение мошенничества: «Совершение мошенничества в третий раз» (ст. 2182); «Совершение мошенничества более трех раз» (ст. 2183).

В целом, уровень юридической техники Уложения 1845 г. нельзя оценить однозначно, и не только с точки зрения современного взгляда. Многие современники уже в 1860-е гг. отмечали произвольность и некорректность терминологии Уложения 1845 г., его казуальность, непреодоленную пробельность уголовного законодательства, что в условиях несовершенных и формирующихся в рамках судебных реформ современных правовых практик, не всегда однозначно способствовали общественному прогрессу.

В связи с проведением в 1860–1870 гг. системных реформ (отмена крепостного права, земская, городская, военная реформы) учреждением суда присяжных и мировых судей в 1864 г. был принят Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Эти судьи могли рассматривать дела о преступ-

лениях, которые наказывались не более, чем двумя годами лишения свободы. К таким наказаниям, включенным в первую главу, относились: выговор; замечание; внушение; денежное взыскание; арест на срок не свыше трех месяцев; заключение в тюрьму на срок не свыше одного года и шести месяцев. В дальнейших статьях были определены обстоятельства, которые усиливали или смягчали ответственность подсудимого. Устав характеризовался большим совершенством юридической техники.

По существу, с 1864 г. экономические преступления становились сферой юрисдикции мировых судей. Именно мировые судьи рассматривали дела, связанные с незаконной торговлей. В некотором плане это придавало фигуре мирового судьи статус своеобразного регулировщика микроуровневых рыночных процессов.

Так в Уставе содержались следующие нормы: «115. За приготовление для продажи или за продажу съестных припасов или напитков, вредных для здоровья или испортившихся, а равно за выделку посуды из вредных для здоровья материалов виновные, сверх уничтожения припасов, напитков или посуды, подвергаются: аресту не свыше одного месяца или денежному взысканию не свыше ста рублей». «116. За несоблюдение надлежащей опрятности и чистоты при продаже съестных припасов виновные подвергаются: денежному взысканию не свыше пятнадцати рублей», «173. За обмер и обвес при продаже, купле или мене товаров или иных вещей, а равно за другие обманы в количестве или качестве товара, или в расчете платежа, или же при размене денег виновные, когда цена похищенного не превышает трехсот рублей, подвергаются: заключению в тюрьме на время от одного до трех месяцев».

Проведённые в Российской империи реформы стали требовать постоянной существенной модификации уголовного законодательства, для чего в уже в восьмидесятые годы XIX в. началась работа по подготовке нового Уложения. Частично, разработанные нововведения были реализованы в 1885 г. путём издания новой редакции Уложения 1845 г. Окончательно же новое Уголовное уложение было утверждено 22 марта 1903 г. Данное Уложение, по сути, уже являлось прообразом уголовного кодекса, включало в себя 687 статей и состояло из двух частей: Общей (72 статьи) и Особенной. Однако Уголовное уложение 1903 г. было введено в Российской империи в действие частично. Применению подлежали такие главы как «О бунте против Верховной власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов императорского Дома».

В версии Уголовного уложения 1903 г. преступления по степени опасности были подразделены на три категории (в зависимости от тяжести наказания):

1) тяжкие преступления (смертная казнь, каторга или ссылка на поселение); 2) преступления (заключение в исправительном доме, крепости или тюрьме); 3) проступки (арест или штраф – денежная пеня). К тяжким преступлениям относились исключительно преступления, совершенные умышленно, в то время как неосторожное причинение вреда влекло уголовную ответственность лишь в случаях, прямо указанных в законе.

В Уголовном уложении 1903 г. предусматривалась целая глава 16, включавшая 53 статьи, которая касалась ответственности за преступления, связанные с нарушением постановления о надзоре за промыслами и торговлей. Тогда же было введено современное юридическое понятие «злоупотребление доверием».

Специфика рассмотрения следственных дел в отношении предпринимателей заметна по материалам города Волковыска: дела разрешались с большой медленностью, чему послужили доказательством многочисленные примеры. Например, по делу о беспатентной торговле вином еврейкою Ривкою Гафовой постановление полицейского управления составлено 14 октября 1867 г., а дело исполнено 22 февраля 1868 г. По делу о передержательстве¹ мещанина Леопольда Друзина постановление составлено 7 июня 1867 г., а дело исполнено 30 апреля 1868 г. По делу о найденных в корчме Кухма неклеимённых мерах постановление составлено 24 ноября 1867 года, а дело исполнено 13 марта 1868 г. [13, с. 638].

Несмотря на попытки оптимизировать уголовное законодательство, экономические преступления плохо поддавались учету, борьбе с ними мешала коррумпированность полицейских чиновников, а также слаженность покрывательских практик в среде представителей торговой корпорации. Так в 1894 г. мещанин местечка Лысково Волковысского уезда Янкель Абрамович Рубинштейн дал приставу 1 рубль за уничтожение протокола, составленного за неисполнение санитарных правил. У мещанина местечка Лысково Вельвеля Нотковича Грингаса пристав взял 5 рублей за постройку сарая без разрешения. У мещанина города Пружаны было взято 20 рублей за незаконное проживание в Лысково. Еврей из Лысково Янкель Резник купил у помещика около 200 овечьих кож с овец, павших от кормления лубином, за что пристав взял с Резника 10 рублей [13, с. 647].

Отмеченные выше тенденции в сферах сословной трансформации, правового регулирования и надзора, а также ценностные изменения в социуме белорусских губерний показывают, что предпринимательские слои в белорусских губерниях в исследуемый период оказались под влиянием целого

---

¹ Передержательство – утайка (беглых, припасов против сметы, казенных денег).

ряда факторов: с одной стороны, все более жесткого и детального регулирования деятельности со стороны модернового государства, а с другой – нарастающей интенсивностью и большим разнообразием форм правонарушений при усилении экономической и социальной конкуренции в меняющемся обществе. В то же время, специфика белорусских губерний сказывалась в тех социально-экономических и политических предпосылках, которые способствовали противоправной деятельности со стороны и так в некотором плане социально исключенного с точки зрения общеимперской национальной политики еврейского, а также польского элементов, а также сохранявшееся до начала XX в. конкуренцией цеховых и гильдейских организаций и отдельных предпринимателей, не входящих в данные корпорации.

ГЛАВА 3. ПРЕСТУПНОСТЬ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ В БЕЛАРУСИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

3.1 Преступность в среде купеческо-предпринимательских кругов по данным статистических источников.

Результатом процессов маргинализации, которую мы понимаем, как нисходящая мобильность в масштабе общественной модернизации, является формирование слоя новых социальных низов – «социального дна». В Беларуси к числу маргиналов можно отнести нищих, проституток, уголовные элементы и др. Незначительным по размерам социальной мобильности стало причисление к податным сословиям бывших осужденных, после отбытия срока наказания.

В 1870 г. в Гродненской губернии было совершено 617 преступлений, за которые получили обвинения 958 человек. Среди преступников 27 были наследственными дворянами, 12 – личными дворянами, 27 – почетными гражданами и купцами, 263 – мещанами, 488 – крестьянами, 43 – военными и др. В 1890 году по Минской губернии было совершено 621 преступлений, за которые было осуждено 982 человек. По сословной принадлежности 22 преступника были наследственными дворянами, 15 – личными дворянами, 5 – купцами, 327 – мещанами, 492 – крестьянами, 54 – военными и др [39, с. 171].

По количеству осужденных белорусские губернии отставали от Петербургской (355 осужденных на 100 тыс. населения), Эстляндской (307) губерний и Амурской области (304), которые по уровню преступности занимали лидирующие позиции в Российской империи. Уровень преступности выступает в качестве одного из выразительных показателей состояния общества. В традиционном обществе, когда население менее мобильное и присутствует более действенный социальный контроль со стороны общества, обычно наблюдается невысокая степень преступности. И, наоборот, в индустриальном обществе, в котором население социально и географически более мобильное, достаточно развит индивидуализм, население обладает большей свободой и инициативой, присутствует как правило более высокий уровень преступности. Однако наибольших размеров она достигает в обществах, проходящих стадию серьезной трансформации социальных институтов, культурных и политических ценностей [50, с. 78–79]. По подсчетам Б. Миронова, минимальный уровень преступности в Российской империи наблюдался в середине XIX в., а максимальный – в 1913 г. [50, с. 88].

По статистическим данным по Российской империи, в 1897 г. на первом месте по уровню криминогенности находились рабочие, на втором – представители свободных профессий и чиновники, далее – торговцы, предприниматели, ремесленники, крестьяне [48, с. 38–39]. С точки зрения уровня криминогенности сословий на первом месте в Российской империи во второй половине XIX в. находились купцы, на втором – мещане и ремесленники, на третьем – дворяне и чиновники, на четвертом – крестьяне, на пятом – священники [39, с. 173].

При характеристике состояния преступности в белорусских губерниях и определения масштаба участия в ней представителей купеческих слоев невозможно обойтись без общих данных статистики по преступности для пяти западных губерний.

В период с 1861 по 1913 г. число уголовных дел, рассмотренных в судах Российской империи, возросло в восемь раз, а в расчете на 100 тыс. населения – в 3,3 раза [50, с. 85]. В абсолютных величинах динамика роста преступности выглядит следующим образом: в 1851–1860 гг. было зарегистрировано 320 тыс. преступлений, в следующем десятилетии – 599 тыс., а в 1901–1910 гг. количество преступлений возросло до 1891 тыс. [50, с. 84].

Для примера, в расчете на 100 тыс. населения количество уголовных дел, возбужденных в 1887 и 1902 гг., увеличилось: в Виленской губернии с 247 до 290, Витебской – с 213 до 306, Гродненской – с 240 до 311, Минской – с 221 до 311, Могилевской – со 176 до 278 [7, с. 17–18].

Д.П. Бригадин вводит такую статистику для сравнения, за 1887 г. в Виленской губернии было возбуждено 3146 уголовных дела, в Витебской – 2634, Гродненской – 3148, Минской – 3641, Могилевской – 2178. На тех же местах распределилась преступность в губерниях в 1902 г.: 4626 преступлений в Виленской губернии, 4614 – в Витебской, 5038 – в Гродненской, 6712 – в Минской и 4744 – в Могилевской [7, с. 18].

Так, в 1890 г. в Беларуси окружными и мировыми судами за различные виды кражи имущества было осуждено 5770 человек, в 1897 г. – 4469, в 1907 г. – 5243, в 1912 г. – 5357 человек. Причем если общее число осужденных с 1890 по 1912 г. несколько снизилось (с 5770 до 5357 человек), то доля осужденных окружными судами существенно увеличилась (с 1123 до 1872 человек) [7, с. 22–23].

А. Радзюк, исследуя криминальный мир Гродно в 1870-е гг. отмечал неравномерность количества преступлений по годам, которые он считал на основании полицейских рапортов. Так в 1871 г. было 17 рапортов, в 1875 г. – 27, в 1880 – 76. [80, с. 124]. Тем не менее, абсолютное большинство преступлений

в городах Беларуси совершалось на почве краж, так воровство и разбой, в соответствии с рапортами гродненского полицмейстера составляли две трети всех преступлений в Гродно [80, с. 128].

В рамках данной курсовой работы был проведен анализ источников, составленных в «Обзоров губерний» и «Сводов статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года» [54–74, 83–86].

Оформленные в таблице данные было сделано сравнение по нескольким критериям: соотношение преступности в разных губерниях по одному году; общая динамика роста преступности в хронологической перспективе, Максимальное и Минимальное количество преступлений конкретного вида, произошедшие за весь рассматриваемый период.

Исходными данными выступали «Обзоры губерний», содержащие сведения по Витебской губернии (за 1888, 1903, 1904 и 1910 гг.), Гродненской губернии (за 1896 и 1909 г.), Минской губернии (за 1888, 1896, 1910 и 1911 гг.) и Могилевской губернии (за 1882, 1900, 1905 и 1908 гг.). В них содержится информация о количестве совершенных преступлений по категориям “Преступления и проступки против порядка управления”, “Преступления и проступки по службе государственной и общественной”, “Преступления и проступки против общественного благоустройства и благочиния”, “Преступления и проступки против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц” и “Преступления и проступки против собственности частных лиц” за каждый предшествующий год.

Так на примере Витебской губернии можно увидеть, что количество преступлений каждого вида в указанные годы поступательно снижалось. Гродненская губерния наоборот продемонстрировала умеренный рост преступности. Минская губерния, в которой показатели преступности были самыми высокими из всех белорусских губерний, не показывает определенной тенденции: увеличение или уменьшение количества совершаемых преступлений одного вида происходило на фоне аналогичных изменений преступлений другого вида.

Именно Минская губерния представила максимумы совершенных за год преступлений из всех белорусских губерний: по категории “Преступления и проступки против порядка управления” – 62 акта (1888 г.), “Преступления и проступки по службе государственной и общественной” – 21 акт (1888 г.), “Преступления и проступки против общественного благоустройства и благочиния” – 70 (1888 г.), “Преступления и проступки против жизни,

здоровья, свободы и чести частных лиц” – 53 преступления (1896 г.) и “Преступления и проступки против собственности частных лиц” – 199 (в 1910 г.). Причем последний показатель был рекордным: это было больше, чем сумма всех преступлений, совершенных в Минской губернии 14 годами раньше.

В сравнении по отдельным годам, в 1888 г. количество преступлений в Минской губернии в два раза превышала аналогичные показатели в Витебской губернии в отношении «Преступлений и проступков против порядка управления», в три раза – “Преступления и проступки против общественного благоустройства и благочиния” и в 10 раз – “Преступления и проступки по службе государственной и общественной”. По показателям убийств, побоев и краж две губернии были приблизительно равны.

Аналогично динамика складывается и при сравнении Минской и Гродненской области в 1896 г. Наблюдается многократное доминирование Минской губернии по первым трем категориям преступлений, и похожие показатели в отношении экономических преступлений. Интересно, что по количеству “Преступлений и проступков против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц” Гродненская и Витебская губернии несколько опережали Минскую.

В 1910 г. пальма первенства в отношении количества преступлений уже неоспоримо принадлежала Минской губернии: по всем вышеназванным категориям она превосходила Витебскую губернию в два раза. Минимальные показатели были характерны для Витебской и Гродненской губерний.

Особняком стоит Могилевская губерния: данные по годам показывают, что в целом она была средней по всем показателям, лишь в 1888 г. количество преступлений по категории «Преступлений и проступков против порядка управления» было близко к первому месту – 59 преступления против 62 в Минской губернии.

За отмеченные годы наблюдалось общее снижение или торможение роста преступлений первых трех категорий. Так в революционный 1905 г. в Могилевской губернии количество «Преступлений и проступков против порядка управления» было более чем в два раза меньше, чем в 1900 г. (25 против 59). Однако традиционно высокими были преступления и проступки по категории “Преступления и проступки против собственности частных лиц”, что соответствует специфике купеческой среды.

На основании изданий “Свода статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений” удалось определить количество и ди-

намику преступников из предпринимательских слоев пяти западных губерний. За основу было взято три ежегодника “Свода”: за 1887, 1898 и 1912 гг. По результатам была составлена таблица, представленная в Приложении Б., которая показывает род занятий осужденных. Из них к сфера торговли была разделена на три градации: “Крупная и посредничество”, “Из лавок товарами” и “Разносная и развозная торговля”. Остальные категории касались ремесленников, трактирных промышленников, перевозчиков и работающих в сфере строительства и поддержания домовой инфраструктуры.

Если характеризовать общую тенденцию, то на протяжении всех трех анализируемых лет, не случилось ни одного преступного инцидента с участием крупного купечества, а также в среде промышленников, занимающихся добыванием полезных ископаемых и в фабрично-заводском секторе. Таким образом, преступления совершались в среде третьегильдейского купечества.

Относительно небольшой процент преступлений происходил в среде трактирной промышленности, несколько больше – в сфере перевозок. Однако постоянно высокий процент преступлений был в предпринимательской среде в сфере лавочной торговли, разносной и развозной торговли, ремесленном производстве и строительстве.

В 1887 г. среди предпринимательских слоев во всех пяти губерниях было совершено 400 преступлений, в 1898 г. – 320 преступлений, в 1912 г. – уже 149. По статистике количества, приговоренных мировыми судами белорусских губерний к лишению свободы за имущественные преступления в 1897 г. торговый обман и мошенничество занимает лишь 1,1 и 1,0 % соответственно [10, с. 62].

Статистика показывает, что максимальное количество преступлений произошло в Витебской губернии в 1887 г.: среди лавочников было 24 преступления, среди продавцов товаров на разнос – 39, из ремесленников – 32, среди строителей – 19. Похожая тенденция (но со значительным уменьшением количества преступлений) оставалась для Витебской губернии и в 1898 г. Лишь в сфере разносной и розничной торговли Могилевская губерния обошла Витебскую: там было совершено 43 и 37 преступлений соответственно. Меньшее количество преступлений фиксировалось в Гродненской и Виленской губерниях. Примечательно резкое снижение преступности среди предпринимателей накануне Первой мировой войны, в 1912 г. Учитывая значительные урбанизационные процессы, которые продолжались в начале второго десятилетия XX в. это можно объяснить, как улучшением криминогенной ситуации в городах, так и возможными погрешностями статистики.

Отдельного внимания заслуживает резкое снижение правонарушений в среде торговли на разнос и развоз, что следует объяснить усилившейся концентрацией торговли в руках оптовых перекупщиков и торговых монополистов. При этом в лавочной торговле доля преступлений по-прежнему оставалась достаточно высокой.

Крайне специфичной формой противоправного поведения предпринимательских субъектов было неоднократное упоминание сюжетов об умышленных поджогах их имущества, которое могло бы как результатом злонамеренных действий конкурентов или недоброжелателей, но и одновременно могло происходить из-за желания получить компенсации за застрахованное имущество. Об этом говорится в донесениях волковысского исправника в канцелярию гродненского губернатора, в которых в обязательном порядке сообщалось о причинённых пожаром убытках, и на какую сумму было застраховано сгоревшее имущество. Все сгоревшие строения были деревянными. Первым открывает хронику пожар в местечке Свислочь в конце 1884 г. Вот как об подобных происшествиях составлялся отчёт местным начальством: «Пристав 3-го стана вверенного мне уезда 28 декабря донёс, что в ночь на 28 декабря в местечке Свислочь произошёл пожар, действием которого истреблён винный подвал при винокуренном заводе купца Зелика Соркина. Произведённым полицейским дознанием обнаружено, что пожар произошёл от поджога, так как за неделю и накануне пожара были отправлены Соркиным транспорты вина в город Белосток, что подтвердили рабочие на заводе и крестьяне, отвозившие в Белосток вино, неоплаченное акцизом. Убытка причинено казне до 7000 рублей. Дознание передано для следствия судебному следователю Волковысского уезда» [13, с. 701]. В данной ситуации исправник усмотрел умышленный поджог по причине желания купца Соркина нажиться на пожаре, т. е. получить страховку за якобы сгоревшую продукцию винокурни.

3.2 Злоупотребления и мошенничества в мелком предпринимательстве розничной торговли городов и местечек Беларуси в конце XIX – начале XX веков.

Т.В. Воронич на основе материалов делопроизводства городских властей и судебных органов, находящихся в фондах Национального исторического архива Беларуси, а также Национального исторического архива Беларуси в Гродно и Литовского государственного исторического архива в Вильнюсе, рассмотрела и проанализировала злоупотребления и мошенничества,

методы и формы их совершения в розничной торговле городов и местечек Беларуси конца XIX – начала XX вв.

Как видно из предыдущего параграфа, что подтверждают и статистические данные, отсутствие преступлений в среде крупного купечества, которое торговало, как правило, высококачественными фабрично-заводскими товарами, можно объяснить стремление поддержать доверие покупателей к торговой марке и собственному имиджу. Основными ее потребителями становились состоятельные горожане, многие из которых предпочитали делать покупки в дорогих магазинах с хорошей репутацией либо заказывать товары непосредственно у производителей или их представителей. Нередко горожане ездили за покупками в столичные города и за границу, желая избежать подделок.

С другой стороны, конкурентная борьба между предпринимателями и цеховыми структурами часто провоцировала обвинения в незаконной предпринимательской деятельности. Несколько лет дамский портной цех боролся с не имеющей цехового аттестата мещанкой Софьей Тейсовой. В 1885 г. старшина цеха довел дело до суда. Мировой судья приговорил ее к штрафу в ремесленную казну в размере 11 рублей и конфискации инструментов, материалов и готовых изделий. «Швейная машина, платья, лифы на сумму 50 рублей сданы на хранение Абраму Рубенчику». Однако, в 1886 г. все это имущество у Рубенчика было похищено. Первоначально цех пытался сам провести расследование и разобраться, но не получилось. В 1888 г. по просьбе дамского портного цеха ремесленная управа передала это дело прокурору. В 1888 г. дамский портной цех вновь обнаружил нецеховых конкурентов в лице Рони Агинской, которая «на вызовы управы не реагировала», Ниши Фейнгауз, в чьей мастерской «работали 4 девицы, которые с приходом проверки сразу ушли, не сказав фамилий». Дела были переданы в суд [84, с. 161–162].

Специфика правонарушений в сфере торговли представлена в номенклатуре следственных дел Волковысского уездного суда за 1868 г. Так, к примеру, подлежащее решению полицейского управления дело о найденных у еврея Мортхеля в Великом Селе неклеимённых мерах, отправлено 10 июня в Волковысский уездный суд без приведения оснований на предание Мортхеля суду. Дело о найденных в шинке деревни Севашки незаконных мерах 13 мая было отправлено в Волковысский уездный суд на основании одного предположения о несостоятельности обвиняемых к платежу штрафа, без постановления решения о взыскании. Подобное дело о неправильной торговле

вином смотрителем Старшинковского завода Зеновичем возвращено уже в полицейское управление для составления решения [13, с. 639].

Тем не менее, фальсификация товаров была одним из распространенных видов мошенничества в торговле. В розничной торговле постоянно появлялось огромное количество поддельных товаров как продовольственной, так и непродовольственной группы. Как указывает Т.В. Воронич, для предпринимателей рассматриваемого периода было характерно сочетание торговой и производственной сфер деятельности. Как правило, местные производители сами же занимались продажей выпускаемой ими продукцией в розничной торговой сети. Это значительно упрощало реализацию поддельной продукции [19, с. 496].

Чаще всего подделывали этикетки и упаковку либо хорошо известных общероссийских компаний, либо популярных местных фирм. С 1888 г. в Сморгони одна табачная фабрика выпускала курительный табак «Бакун» под товарным знаком «Красный медведь». Это был низший сорт табака, и употреблялся он преимущественно крестьянами. Поскольку крестьяне в большинстве своем были безграмотными, то табачные изделия своей любимой фабрики они отличали от продукции других производителей по изображению красного медведя. В 1913 г. фабрикой владели Шварцы, дела у них шли довольно успешно. Однако в этом же году в Сморгони появилась еще одна табачная фабрика. Ее владелица Ф. Вороновская начала выпускать тот же сорт табака в такой же упаковке с изображением красного медведя. Единственное отличие состояло в том, что фамилия производителя была указана другая. Крестьяне, не умеющие читать и писать, этого отличия не замечали и покупали табак, ориентируясь исключительно на красного медведя. Уровень продаж табака фабрики Шварцев снизился, и свой убыток в судебном иске к Ф. Вороновской они оценили в 1000 рублей. Суд защитил авторские права Шварцев на свой товарный знак «Красный медведь» и запретил Ф. Вороновской выпускать свою продукцию под этим товарным знаком [19, с. 497].

Однако не всегда владельцам товарных знаков удавалось защитить свои авторские права. В 1900 г. в Минском окружном суде рассматривалось дело по жалобе представителя известной московской парфюмерной фабрики фирмы «Э. Бодло и Ко », владельцам которой стало известно, что в продаже появилось мыло с этикетками, схожими с этикетками их фирмы. В результате самостоятельно проведенного ими расследования выяснилось, что подделками занимается мещанин С. Динерштейн, владелец собственного мыловаренного производства в Минске. Динерштейн, первоначально на предварительном следствии признавший поддельные этикетки своими, через некото-

рое время от своих показаний отказался. Доказать в суде его вину так и не удалось. Мошенничеством занимались и знаменитые белорусские предприниматели. В 1873 г. из Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов на имя гродненского губернатора пришло письмо с просьбой провести расследование по факту подделки владельцами крупной табачной фабрики Шерешевскими этикеток одной из петербургских табачных фабрик фирмы «Л'есперанс». Шерешевские выпускали свою продукцию под фальшивыми этикетками.

Одной из главных проблем была фальсификация продуктов питания, реализуемых в торговле. Молоко разбавляли водой. Для увеличения сроков хранения, устранения посторонних запахов и прочих признаков недоброкачества в молоко всыпали различного рода примеси – муку, соду и др. В коровье масло примешивали искусственные красители, смешивали его с жирами. Запрещенные консервирующие вещества добавляли в мясную продукцию. При изготовлении кондитерских изделий пользовались анилиновыми и другими опасными для здоровья человека красителями. Отдельную проблему составляло санитарное состояние торговых предприятий. При производстве и в торговле продуктами питания не соблюдались базовые нормы и правила санитарии. Выпечка хлеба производилась в частных или арендованных квартирах, в тех же помещениях, где проживали члены семьи пекаря. Выпеченный хлеб складывался на кроватях, диванах, либо прямо на полу. Антисанитарным было состояние многих продовольственных магазинов. Во время санитарно-полицейских осмотров в них неоднократно находили испорченные продукты.

При обнаружении нарушений составлялся протокол, делались замечания. Если требования не исполнялись, то дело передавалось в суд, как мы видим в деле о закрытии в г. Минске булочной содержателя турецкого подданного А. Офли [78]. Однако данная мера не была эффективной вследствие того, что городские суды достаточно лояльно относились к тем, кто нарушал нормы санитарии. Важную роль в профилактике нарушений в сфере торговли и наказании мошенников с конца XIX в. стала играть фигура городского санитарного врача, должность которого утверждалась городскими думами. Именно он мог инициировать разбирательство в случае обнаружения нарушений, участвовал в составлении протоколов и мог повлиять на передачу дел в суд [17, с. 158].

Специфика нарушений в сфере торговли мясом объясняется их частыми конфликтами с мастерами мясного цеха. 7 апреля 1888 г. 7 мастеров мясного цеха направили в общую ремесленную управу Минска рапорт с прось-

бой «исходатайствовать запрет нецехового производства и покупки мяса». В объяснении своей просьбы они приводили следующие аргументы: «Многие лица, не записанные в мясной цех Минска, занимаются в оном мясным ремеслом и производят торговлю таковым, покупая скот за городом на дороге у везущих в город для продажи, а также на базаре в мясных рядах для перепродажи и убоя, препятствуя покупать сей скот в городах цеховыми мастерами по сходной цене и лишая их иметь заработок от своего ремесла и при том чрез это возвышаются цены на мясо» [19, с. 46]. Цеховые мастера, конечно же, лукавили, ведь именно они, благодаря своим согласованным действиям и пытались держать монопольно высокие цены на мясном рынке. Нецеховые продавцы, покупая мясо далеко за городом у непосредственных производителей, напротив, снижали цены. Цеховые мастера могли обратить внимание на санитарные нормы, которые в условиях городского рынка соблюдаются с большей вероятностью, но честно не стали тратить на это время, приведя главный аргумент, что их просто оттесняют с рынка, лишая заработка [86, с. 163].

Множество злоупотреблений и мошенничеств было в торговле спиртными напитками и табачными изделиями. Государство видело в таких правонарушениях значительную опасность, так как в конце XIX – начале XX в. доходы от питейных сборов в государственном бюджете Российской империи составляли почти треть бюджета – 38 % в 1895 г., 31 % в 1905 г., 30 % в 1909 г. и 26, 4 % в 1913 г. [16, с. 249]. С 1 июля 1897 года казенная монополия была введена в шести северо-западных губерниях: Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской и Могилевской, – а также в Смоленской губернии. Для производства и торговли этими видами товаров в соответствии с российским законодательством необходимо было ежегодно приобретать специальный патент. Стоимость патента, например, на право торговли вином в конце XIX в. составляла около 100 р. А вместе с затратами, связанными с оформлением документов, расходы достигали 150 р. Сумма довольно значительная для этого времени. Несмотря на то, что сама торговля водкой и вином была очень прибыльным делом, торговцы предпочитали заниматься тайной беспатентной торговлей, либо торговали по патенту другого лица. Также распространенным было и подпольное беспатентное производство табачных изделий. А в табачных лавках табак продавался в поврежденных упаковках [19, с. 497].

Губернские акцизные управления играли важную роль в судебных процессах, связанных с нарушением питейного устава. Чиновники акцизного управления инициировали следственные и судебные разбирательства с це-

лью пресечь самовольное производство и продажу спиртного, а также привлечь виновных в нарушении к максимальному наказанию. В большинстве случаев наказание представляло собой денежное взыскание, включавшее в себя штраф, возмещение неуплаченных акцизных сборов, фактической стоимости незаконно произведенной водки, а также конфискацию производственного оборудования. Масштабы данного явления показывают статистические данные: только в 1909 г. в Могилевской губернии за нарушения устава об акцизном сборе (продажа без необходимого разрешения алкогольных напитков, беспатентная продажа, продажа алкоголя в торговых заведениях, не имеющих на то разрешения) было возбуждено 1648 дел [74, с. 33].

Характерным для второй половины XIX в. судебным делом является судебный процесс, длившийся с 1878 по 1888 г. в отношении группы купцов 2-ой гильдии, обвиненных в получении спирта до учета его контрольными органами на Селищевском винокуренном заводе, причем речь шла о регулярно повторяющихся правонарушениях на протяжении 7 лет [52].

Например, в 1884 г. Минский окружной суд рассматривал дело о нарушениях на винокуренном заводе в Игумене. В качестве обвиняемых выступали хозяева заводы, семейная пара Хаим и Рохля Рубинштейны, приписанные к купеческому сословию, а также винокур Меер Шапиро и приказчик Янкель Лившиц из мещанского сословия. По мнению представителя Минского акцизного управления, выступавшего на стороне государственного обвинения, на заводе регулярно тайно изготавливался и сливался спирт, минуя автоматический счетчик акцизной службы. В результате судебного разбирательства было выяснено, что незаконное винокурение проводилось в значительных масштабах. Суд приговорил обвиняемых к ответственности, обязав оплатить штраф в размере 10 руб., возместить акцизный сбор в 820 руб. и стоимость тайно выкуренного вина в 128 руб. [8, с. 112–113].

Нелегальный оборот алкоголя был характерен и для розничных торговцев, предпринимателей, о чем свидетельствует дело, заведенное против еврейки Лондоновой в 1869 г., которая обходила деревни Мартиновской волости Лепельского уезда Витебской губернии, угощая крестьян водкой, и требуя с них в обмен продукты питания, не гнушаясь картофелем, овсом, крупой, блинами, причем в многократно превышающем угощение объеме [53, с. 24]. Примечательно, что некоторые еврейские авторы вспоминают, что еще в середине XIX в. в некоторых еврейских общинах существовали квази-деньги, как переходный элемент между натуральным обменом и официальной российской денежной системой [43].

Уровень обслуживания покупателей в большинстве торговых предприятий был невысоким, цены – завышенными. Обычным явлением стали обсчет, обвес и обмер покупателей посредством использования неверных мер веса и объема. Виновный в использовании неверных мер и весов с целью обмана навсегда лишался права на занятие торговлей. Регулярно во время внезапных ревизий торговых заведений контролирующие органы обнаруживали неверные гири, весы, меры и т.д. По этим фактам заводились дела, проводилось следствие, но привлечь мошенников к судебной ответственности было крайне сложно. Судебным органам необходимо было доказать факт применения (и именно с целью обмана) неверных весов и мер, обнаруженных в торговом заведении, а это удавалось крайне редко.

Так, в ноябре 1910 г. в Речице в аптекарском магазине Шмуйлы Лейбова Лифшица во время ревизии было обнаружено 37 неверных гирь, пять гирь без соответствующего клейма и двое неверных весов. По решению суда, который из-за длительного следствия состоялся только в 1914 г., обвинение в том, что владелец магазина «с умыслом для обмана употреблял» неверные весы и гири, было снято, поскольку «не установлено, чтобы подсудимый употреблял при торговле найденные у него весы и гири». «Вещественные по делу доказательства – 42 гири» и весы было решено вернуть владельцу. А если факт использования неверных весов и гирь следствию удавалось доказать, то обвиняемый мог всегда заявить о том, что произошло это «по недосмотру». Наказание в данном случае ограничивалось наложением денежного штрафа [19, с. 498].

Летом 1899 г. 40-летняя мещанка М. Фишман привезла в Пинск на продажу мясо. Место для продажи, лавку, она организовала в сенях одного из домов «в виде стола была установлена бочка с доской, на которой были установлены весы для развески мяса». Во время проверки выяснилось, что гири были использованы неверные, как и весы, у которых одна чашка оказалась легче другой, а мясо, которое торговка выставила на продажу – протухшее и к употреблению непригодно. Гири и мясо у Фишман отобрали, началась проверка. Во время суда свою вину женщина полностью отрицала. Тем не менее суд пришел к решению, что «вполне установлено то обстоятельство, что подсудимая Фишман, продавая ... мясо, употребляла для взвешивания продаваемого ею мяса неверные весы и гири, но чтобы она делала это с умыслом обмана покупателей, ничем не доказано» [19, с. 499]. Если свидетелей факта продажи с использованием неверных мер и весов еще можно найти, то найти свидетелей мыслей и намерений торговца об обмане было невозможным. Поэтому Фишман была приговорена к штрафу в пять рублей,

«вещественные по делу доказательства гири и весы, как неверные и негодные потому к употреблению», было решено уничтожить. Что касается факта торговли испорченным мясом, то суд пришел к выводу, что «обвинение ... не представляется доказанным ввиду того, что неизвестно, продавала ли Фишман испорченное мясо, или таковое испортилось после отобрания у нее».

Поскольку наказание за использование неверных мер и весов с целью обмана – лишение права заниматься торговлей навсегда – было весьма суровым, означая лишение своей профессии и источника доходов. Поэтому торговцы, покрывая друг друга, всячески старались если не добиться оправдательного приговора, то хотя бы смягчить его – признать факт употребления неверных весов и мер «по недосмотру», как бы нечаянно. В этом плане можно предположить, что торговцы, выступая в суде в качестве свидетелей, проявляли корпоративную солидарность и давали ложные показания в пользу обвиняемого, прекрасно понимая, что завтра в такой же ситуации могут оказаться они сами. Но и как видно, сами суды также достаточно лояльно относились к обвиняемым.

Достаточно распространенной для характеристики норм поведения и ведения дел для представителей мелкого предпринимательского состава Беларуси является ситуация, которая изложена в жалобе турецкого подданного Хабиба-Махмед Оглы к минскому губернатору от 2 января 1904 года, которую упомянул А.Г. Кохановский в своей монографии. Хабиб-Махмед Оглы проживал около полугода в городке Лунинец Пинского уезда и открыл булочную, что не понравилось местным владельцам пекарен, в частности, чеху Новаку, еврею Киперману и др. Последние стремились всячески вредить конкуренту: отговаривали от работы нанятых рабочих и за свой собственный счет высылали их из Лунинца, подстрекали местных жителей против турецкого подданного, устраивали драки, пытались отравить керосином его колодец и т.д. По этой жалобе 10 февраля 1904 г. полицейский пристав сообщал, что после открытия булочной Хабиба-Махмед Оглы нерегулярно выплачивал зарплату своим рабочим и, вообще, должен покинуть свою булочную [39, с. 235].

Иногда преступные сюжеты возникали и как следствие правовых разбирательств при тех или иных имущественных или предпринимательских спорах. Усугублялась ситуация часто неблагоприятными явлениями взяточничества, волокиты, а иногда и вовсе отсутствием порядка в полицейском документообороте. Лишь в 1875 г. разрешилась ведшаяся с 1848 г. тяжба между почетным гражданином г. Пинска А.М. Бондаревым и занявшим у него под вексель с гарантией возврата партию соли на сумму

3428 руб. торговцем еврейского происхождения М. Фридмана. Последний, воспользовавшись отсутствием контроля в кабинетах магистрата, уничтожил, приложенный к делу оригинал долгового обязательства, что вызвало дальнейшие разбирательства и выход дела на министерский уровень [46, с. 57].

Упомянутые экономические преступления, которые, как видно, были скорее легкими по сравнению с убийствами, насилием и разбоем, демонстрируют высокую солидарность торговых кругов, на что следовало бы обращать особое внимание при изучении такого сегмента преступности. Интересно, что и сами купцы выступали достаточно часто в роли свидетелей и жертв грабежей, разбоя, насилия, о чем свидетельствуют опубликованные А. Радзюком и Т.В. Воронич статьи по криминальной обстановке в белорусских городах. При дальнейшем обращении к данной тематике необходимо более комплексное изучение социальных отношений в белорусском городе.

Специфика социально-экономического развития белорусских губерний во второй половине XIX – начала XX в. нашла отражение и в видах совершаемых предпринимателями преступлений и правонарушений, значительный массив которых составляли нарушения в сфере розничной торговли. Зафиксированный рост подобных преступлений говорит, как и об объективных тенденциях интенсификации хозяйственной жизни в растущих городах и местечках, так и об усиленном внимании правоохранительных органов к данной сфере. Значительность данной сферы проявилась в последующие годы лихолетья Первой мировой войны и революционных преобразований, когда нарушенная деятельность отраслей продовольственной сферы, промышленного товарного производства и торговли привела к тяжелому социальному кризису.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Специфика развития городов белорусских губерний Российской империи в конце XIX – начале XX в. обычно характеризуется как «ложная» урбанизация, что связано с тем, что создание городской инфраструктуры происходило лишь в важных транспортных узлах, в остальных случаях промышленное производство не будучи сконцентрированным в городах, не позволяло достичь высокого уровня благополучия городского населения, вызывая сильное материальное расслоение и другие социально-бытовые конфликты, которые отразились на росте преступности в изучаемый период. Это обуславливало социально неравномерное развитие местной предпринимательской среды, ее жесткий конкурентный характер в условиях слабых источников внутреннего роста (замкнутость торгово-экономических связей, неразвитость культуры потребления, слабый уровень доходов и образования). Это часто вело к проявлениям преступного или девиантного поведения, мотивом которого могли стать зависть, жадность, стремление устранить конкурентов, этнические и религиозные стереотипы и предрассудки.

2. Специфика преступности в среде выходцев из предпринимательских кругов определялась рядом дополнительных факторов: распространённостью третьегильдейского купечества в белорусских губерниях, для которого высокими были риски разорения и потери сословного статуса; сложным этноконфессиональным составом купечества и обострившимися отношениями между цеховыми мастерами и индивидуальными предпринимателями, отсутствие возможности полноценного участия предпринимательских слоев в городском управлении, что влияло на проявления недобросовестной конкуренции, значительным оттоком финансовых капиталов в более промышленные регионы Российской империи. Отдельно следует отметить комплекс взаимоотношений доминирующей в городском населении еврейской предпринимательской среды с другими этническими группами, которые поддерживали исторически сложившийся стереотип о предпринимательских успехах и часто недобросовестности коммерсантов еврейского происхождения. Горожане христианского вероисповедания составляли большинство осужденных за преступления против порядка управления, против личности, против благоустройства и благочиния. Иудеи чаще осуждались за преступления против доходов казны и против собственности. Специфика отношений между более предприимчивыми евреями и представителями славянских этнических групп создавали предпосылки для неуважительного отношения к деловой инициативе среди широких слоев городских низовых слоев.

3. В процессе анализа законодательства Российской империи в сфере регулирования правонарушений в коммерческой деятельности был сделан вывод

о большем усложнении и регламентации правил предпринимательской деятельности, ужесточении наказаний и большем контроле со стороны государства, заинтересованном, главным образом, в соблюдении налоговых и акцизных выплат.

4. Городская преступность во второй половине XIX в. не показывает линейную динамику. В городах Беларуси, где проживало около 10 % населения, совершалось более 20 % тяжких преступлений. Характер таких преступлений в течение 70–90-х годов XIX в. существенно не менялся. В сравнении, более 70 % преступлений совершались против имущества частных лиц – кражи, грабежи, разбойные нападения, а также против личности – убийства, нанесение побоев и оскорблений. В начале XX в. наблюдаются заметные количественные и структурные изменения в городской преступности – общее ухудшение криминогенной ситуации, резкий рост числа политических преступлений, распространение организованной преступности.

Как показывают статистические источники, на протяжении последних десятилетий Российской империи, наблюдался поступательный рост преступности. Белорусские губернии также оказались в русле этой тенденции, хотя ситуация зависела от конкретного года. В трех белорусских губерниях (Виленской, Гродненской и Минской) уровень преступности был выше среднего по российской империи. Наиболее распространёнными были категории преступлений против собственности частных лиц, а также преступления против личности.

5. Для преступлений, совершаемых представителями предпринимательских слоев, были характерны, как общая тенденция роста насильственных и имущественных преступлений, так и специфические виды правонарушений: ненасильственные, связанные с профессиональными занятиями – нарушение правил производства и торговли, особенно продуктами питания и алкогольной продукцией, перевозки, строительства, мошенничество и подлог документов, передержательство, махинации с векселями и организация умышленных поджогов с целью получения страховки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Амбралевичютэ, Аэлита. Нелегальные коммерческие практики виленского купечества в 1824–1862 гг. // Гарадзенскі соцыум. Чалавек у прасторы горада. XV–XX стст. : матэрыялы міжнар. навук. канф., Гародня, 7–8 лістап. 2014 г. / пад рэд. А. Ф. Смаленчука, А. К. Краўцэвіча. – Мінск, 2015. – С. 181–195.

2. Белоруссия в эпоху капитализма : сборник документов и материалов : в 2 т. / Институт истории Академии наук БССР. Мн.: Наука и техника, 1983-1990. Т. 2: Развитие капитализма в промышленности, положение промышленных рабочих и рабочее движение в Белоруссии в 1861—1900 гг. / сост.: З.Е. Абезгауз, Н.Л. Рябцевич. 1990. 334 с.

3. Бёрбэнк, Джейн. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Миллер А.И. (ред.) Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей. Москва: Новое издательство, 2004. С. 319–358.

4. Богданович, А. Е. Я всю жизнь стремился к свету. В 2 кн. Кн. 1. Мои воспоминания / сост., авт. предисл. Александр Ващенко. Минск : Літаратура і Мастацтва, 2012. 544 с.

5. Бонгер, В. Преступность и социализм // Проблема преступности. Сб. 2. Киев: Госиздат Украины, 1924. С. 243–263.

6. Борисов, А.В. Три века российской полиции : служение обществу – защита Отечеству! М. : РИПОЛ классик, 2016. 605 с.

7. Бригадин, Д.П. Динамика и структура преступности в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навуковы зборнік. Выпуск 11 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2016. - С. 16–26.

8. Бригадин, Д.П. Преступность в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Мн.: ГИУСТ БГУ 2018. 164 с.

9. Бурачонок, А.В. Прадпрымальніцкая дзейнасць мяшчанства Беларусі ў сферы прамысловасці ў другой палове XIX – пачатку XX ст. // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навуковы зборнік / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2010. – Вып. 5. – С. 3–9.

10. Бурачонок, А.В. Прамысловыя прадпрымальнікі ў сацыяльна-эканамічным жыцці Беларусі канца XIX – пачатку XX ст. (на прыкладзе Фабрыкі па вытворчасці шпалераў К.М. Кантаровіча) // Веснік БДУ. Серыя 3: Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права: навукова-тэарэтычны часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2010. – №3. – С. 17–20.

11. Бурачонок, А.В. Сацыяльны склад прамысловых прадпрымальнікаў Беларусі (канец XIX – пачатку XX ст.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ:

навуковы зборнік / рэдкал.: У.К.Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2011. – Вып. 6. – С. 20–26.

12. Бурачонок, А.В. Фарміраванне арганізацыйна-прававых асноў прамысловага прадпрыемальніцтва ў Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XX ст. / А.В. Бурачонок // Беларускі археаграфічны штогоднік. / Рэдкалегія: Э.М. Савіцкі (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелНДІДАС, 2014. – Вып. 15. – С. 130–142.

13. Быховцев, Н.И. Волковыщина: 120 лет в Российской империи (1795–1915). Мн.: Смэлток, 2015. 810 с.

14. Вароніч, Т.В. Прастытуцыя ў гарадах Беларусі: другая палова XIX – пачатак XX стст. / АРСНЕ пачатак. 2011, № 11. С. 347–383.

15. Вебер, Макс. Протестантская этика и дух капитализма // Макс Вебер. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 43–271.

16. Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до сухого закона». Кол. монографія. / Аксенов В.Б., Багдасарян В.Э., и др. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2007. 480 с.

17. Воронич, Т.В. «...Воспрещается проба фруктов надкусыванием»: Обязательные постановления городской думы Витебска (конец XIX – начало XX в.) // Капыль: гісторыя горада і рэгіёна : да 360-годдзя надання Капылю прывілея на магдэбургскае права : зб. навук. артыкулаў / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; уклад.: А.А. Скеп’ян, А.А. Доўнар, І.В. Соркіна; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.] – Мінск, 2012. С. 147–159.

18. Воронич, Т.В. Город и проституция: из истории повседневности Гродно (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Гарадзенскі палімпсест 2011. Асоба, грамадства, дзяржава. XV – XX ст. – Мінск, 2011. – 383 с. – С. 260–290.

19. Воронич, Т.В. Злоупотребления и мошенничества в розничной торговле городов и местечек Беларуси в конце XIX – начале XX веков / Т. В. Воронич // Научные труды Белорусского государственного экономического университета : [сборник]. Вып. 7 / М-во образования Респ. Беларусь, Белорусский гос. экон. ун-т ; [редкол.: В.Н. Шимов (гл. ред.) и др.]. – Минск : БГЭУ, 2014. – С. 495 – 500.

20. Воронич, Т.В. Криминальный мир губернского города Гродно: вторая половина 19 – начало 20 веков // Гарадзенскі палімпсест 2012. Людзі даўняй Гародні. XV – XX стст. / Пад рэд. А.Ф. Смаленчука, Н.У. Сліж. Кракаў: 2013. – С. 252–268.

21. Воронич, Т.В. Царские власти в борьбе за моральность минчан: вторая половина XIX – начало XX в. // Мінск і мінчане : дзесяць стагоддзяў гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада. Сацыяльныя структуры і паўсядзённасць : (да 945-годдзя Мінска) : зб. навук. арт. / уклад. А.І. Груша; рэдкал. : А.А. Каваленя. Мінск : Беларус. навука, 2012. С. 305–321.

22. Гернет, М.Н. Моральная статистика: (Уголовная статистика и статистика самоубийств). М., 1922. 269 с.
23. Гишинский, Я.И. Социология девиантного поведения и социального контроля. // Мир России. Социология. Этнология, Т. 6, №. 1, 1997. С. 163–184.
24. Горизонтов, Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М.: Индрик, 1999. 272 с.
25. Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / саст. В.К. Бандарчык і інш. Мн. : Навука і тэхніка, 1990, 245 с.
26. Гушчынскі, І.Г. Правядзенне расійскай судовай рэформы 1864 года на тэрыторыі беларусі (у кантэксце палітыкі садржанне імперскіх улад па ўніфікацыі краю з унутранымі губернямі // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории : сб. науч. тр. Вып. 1 / ред. кол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. Минск : РИВШ, 2017. С. 81–87.
27. Гушчынскі, І.Г. Дзейнасць судовых органаў беларуска-літоўскіх губерняў па вырашэнні крымінальных спраў эканамічнага характару ў апошняй трэці XIX – пачатку XX ст. // Актуальныя пытанні сучаснай навукі : зб. навук. прац / рэдкал.: Г. В. Торхава (адк. рэд.). – Мінск : БДПУ, 2016. С. 9–13.
28. Гушчынскі, І.Г. Даня судовай статыстыкі 1872–1913 гг. як крыніца вывучэння беларускага грамадства перыяду капіталізму // Сучасныя падыходы да вывучэння крыніц па гісторыі Беларусі : матэрыялы Рэсп. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 18 снежня 2009 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка ; рэдкал.: М.М. Забаўскі [і інш.]. Мінск, 2009. – С. 154–160.
29. Долбилов, М., Миллер А. (отв. ред.). Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 608 с.
30. Дриль, Д.А. Преступность и преступники : (Уголов.-психол. этюды). СПб.: Я. Канторович, 1895. 295 с.
31. Дриль, Д.А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / Вступ. ст.: В. М. Бехтерев, акад., М.Ковалевский, проф., А. Ф. Кони, акад., М. Слобожанин. СПб.: Шиповник, 1912. 702 с.
32. Елисеев, С.А. Общие черты имущественной преступности в царской России // Вестник Томского государственного педагогического университета. -2006. - № 11. С. 37–40.
33. Загорнов, А.А. Судебная реформа 1864 г. и капиталистическая модернизация Российской империи // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 4 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2009. С. 235–241.
34. Зарубина, Н.Н. Бизнес в зеркале русской культуры. М.: Анкил, 2004. 305 с.

35. Зарубина, Н.Н. Модернизация и хозяйственная культура (Концепция М.Вебера и современные теории развития) // Социологические исследования. 1997. № 4. С. 46–54.
36. Зарубина, Н.Н. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 52–62.
37. История предпринимательства в России : в 2 кн. / Под ред. В.И. Бovyкина, М.Л. Гавлина. Кн. 2 : Вторая половина XIX – начало XX века. – Москва : РОССПЭН, 1999. – 575 с.
38. Каханоўскі, А.Г. Гісторыя Беларусі другой паловы XIX ст. : вучэб.-метада. дапам. для студэнтаў ВНУ / А.Г. Каханоўскі. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т, 2012. – 151 с.
39. Каханоўскі, А.Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А.Г. Каханоўскі ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск : БДУ, 2013. – 335 с.
40. Каханоўскі, А.Г. Стан і перспектывы вывучэння сацыяльнай гісторыі Беларусі другой паловы XIX–пачатку XX ст. / А.Г. Каханоўскі // Историческое наследие Беларуси: выявление, сохранение и изучение : материалы Международ. науч. конф., посвящ. 90-летию Гос. арх. службы Респ. Беларусь, 85-летию Нац. арх. Респ. Беларусь и 20-летию каф. источниковедения БГУ, Минск, 17–18 мая 2012 г. : в 2 ч. / Департамент по арх. и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь [и др.] ; редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск, 2013. – Ч. 1. – С. 161–169.
41. Каханоўскі, А.Г. Структура занятасці насельніцтва Беларусі на мяжы XIX–XX стст. / А.Г. Каханоўскі // Российские и славянские исследования : науч. сб. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2013. – Вып. 8. – С. 62–67.
42. Кильдюшов, О.В. Мишель Фуко как исследователь "полицейского государства": программа, эвристические проблемы, перспективы изучения // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 3. С. 9–32.
43. Ковнер, А.Г. Из записок еврея // Евреи в России. XIX век (Серия «Россия в мемуарах») / Вступ. ст., сост., подг. текста и коммент. В. Кельнера. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 177–246.
44. Кошко, А.Ф. Очерки уголовного мира царской России. Воспоминания бывшего начальника Московской сыскальной полиции и заведывающего всем уголовным розыском Империи. Париж, 1926. 216 с.
45. Куликов, В. В Москве увековечат память «Шерлока Холмса» из Бобруйского уезда // Информационный портал "Бобруйский курьер". Режим доступа: <http://babruysk.by/v-moskve-uvekovechat-pamyat-sherloka-holmsa-iz-bobrujskogo-uezda/> Дата доступа: 15.04.2018 г.

46. Лудич, А.Р. Служебные преступления и нарушения уездных чиновников на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018. Вып. 4. С. 54–63.
47. Лунеев, В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005. 912 с.
48. Миронов, Б. Н. Преступность в России в XIX – начале XX в. // Отечественная история. 1998. №. 1. С. 24–42.
49. Миронов, Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2015, Т. 3. 992 с.
50. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): В 2 т. СПб. : «Дмитрий Буланин». Т. 2. 2003, 583 с.
51. Мянчэня, С.В. Піцейны гандаль і спажыванне алкаголю ў Мінскай губерні ў гады «віннай манаполіі» (1897–1914 гады) // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории : сб. науч. тр. Вып. 1 / ред. кол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. Минск : РИВШ, 2017. С. 36–43.
52. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 1416. Оп.2. Ед. хр. 15540. Дело по отношению Витебской соединённой палаты уголовного и гражданского суда о купце Янкеле Давидсоне, его сыне... мещанах, обвиняемых в злоупотреблении на Селищском винокуренных заводах. 1878–1888 гг.
53. НИАБ. Ф. 2500. Оп.1. Ед. хр. 616. Дело о противозаконной продаже вина еврейкой Лондоновой 1869 г.
54. Обзор Виленской губернии ... . – Вильна. : Губернская типография, 1884 – 1912. ... за 1885 год. – 1886. – [4], 29, [56] с.
55. Обзор Виленской губернии ... . – Вильна. : Губернская типография, 1884 – 1912. ... за 1897 год. – 1898. – [4], 98, [55] с.
56. Обзор Виленской губернии ... . – Вильна. : Губернская типография, 1884 – 1912. ... за 1909 год. – 1911. – [6], 93, [78] с.
57. Обзор Виленской губернии ... . – Вильна. : Губернская типография, 1884 – 1912. ... за 1911 год. – 1913. – [6], 102, [78] с.
58. Обзор Витебской губернии ... . – Витебск. : Губернская типография, [1882] – 1916. ... за 1888 год. – 1889. – 98 с., [25] л. табл.
59. Обзор Витебской губернии ... . – Витебск. : Губернская типография, [1882] – 1916. ... за 1899 год. – 1900. – 105 с., [24] л. табл.
60. Обзор Витебской губернии ... . – Витебск. : Губернская типография, [1882] – 1916. ... за 1904 год. – 1905. – III, 103, [97] л. табл.
61. Обзор Витебской губернии ... . – Витебск. : Губернская типография, [1882] – 1916. ... за 1906 год. – 1907. – 109 с., [95] л. табл.

62. Обзор Гродненской губернии ... . – Гродна. [Гродно] : Губернская типография, 1880 – 1914. ... за 1887 год. – [1888]. – [4], 44, [5] с.
63. Обзор Гродненской губернии ... . – Гродна. [Гродно] : Губернская типография, 1880 – 1914. ... за 1896 год. – [1897]. – 7, 172, [83] с.
64. Обзор Гродненской губернии ... . – Гродна. [Гродно] : Губернская типография, 1880 – 1914. ... за 1909 год. – 1910. – [4], 192, [155] с.
65. Обзор Гродненской губернии ... . – Гродна. [Гродно] : Губернская типография, 1880 – 1914. ... за 1911 год. – 1912. – [4], 126, [165] с.
66. Обзор Минской губернии ... . – Минск : Минский губернский статистический комитет, 1882 – 1914. ... за 1888 год. – 1889. – [2], 45, [62] с.
67. Обзор Минской губернии ... . – Минск : Минский губернский статистический комитет, 1882 – 1914. ... за 1896 год. – 1887. – [2], 47, [52] с.
68. Обзор Минской губернии ... . – Минск : Минский губернский статистический комитет, 1882 – 1914. ... за 1910 год. – 1911. – [2], 69, [56] с.
69. Обзор Минской губернии ... . – Минск : Минский губернский статистический комитет, 1882 – 1914. ... за 1911 год. – 1912. – [2], 70, [54] с.
70. Обзор Могилевской губернии ... . – Могилёв : издание Могилевского губернского статистического комитета, 1879 – 1915. ... за 1882 год. – [1883?]. – [4], 29, [54] с.
71. Обзор Могилевской губернии ... . – Могилёв : издание Могилевского губернского статистического комитета, 1879 – 1915. ... за 1900 год. – 1901. – [6], 104, [224] с.
72. Обзор Могилевской губернии ... . – Могилёв : издание Могилевского губернского статистического комитета, 1879 – 1915. ... за 1904 год. – 1905. – [6], 100, [240] с.
73. Обзор Могилевской губернии ... . – Могилёв : издание Могилевского губернского статистического комитета, 1879 – 1915. ... за 1908 год. – 1909. – VI, III, [104], 8, [58] с.
74. Обзор Могилёвской губернии... – Могилёв : Издание Могилевского губернского статистического комитета, 1879 – 1915. ... за 1911 г. – 1913. – VI, 115, [161] с.
75. Остроумов, С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Издательство МГУ, 1980. – 280 с.
76. Нежурбида, С.А. Теории социальной реакции как теории причин преступности: анализ исходных положений // Закон и жизнь. 2013. № 11. С. 128–132.
77. Полетаева, Н.И. Купечество Беларуси: 60-е гг. XIX – начало XX вв. Мн.: Белор. гос. ун-тет, 2004. 247 с.
78. Постановление Минского уездного съезда по делу о закрытии в г. Минске булочной содержателя турецкого подданного А. Офли от 19 августа

1905 г. // Иностранцы подданные в Беларуси (конец XVIII – начало XX в.) / сост. И.Л. Вернер ; редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. Минск : Тип. Макарова и К, 2012. С. 234–235.

79. Поткина, И.В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России, XIX – первая четверть XX в. М.: Норма, 2009. 304 с.

80. Радзюк, А. Р. Гарадзенскі крымінал 70-х – пачатку 80-х гг. XIX ст. / А. Р. Радзюк // Гарадзенскі соцыум. Чалавек у прасторы горада. XV–XX стст. : матэрыялы міжнар. навук. канф., Гародня, 7–8 лістап. 2014 г. / пад рэд. А. Ф. Смаленчука, А. К. Краўцэвіча. – Мінск, 2015. – С. 121–149.

81. Радзюк, А. Р. Значныя мясціны Гародні ў другой палове XIX ст. / А. Р. Радзюк // Гарадзенскі палімпсест 2011: асоба, грамадства, дзяржава XV–XX стст. – Мінск : Зміцер Колас, 2012. – С. 231–259.

82. Родевальд, Штефан. «Внешняя колонизация внутреннего» и «внутренняя колонизация внешнего»: оппозиционные элиты столиц vs. лояльные элиты Западного края, 1830–1910 годы // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: [сборник статей] / ред.: А. М. Эткинд, Д. Уффельманн, И. Кукулин. Москва : Новое литературное обозрение, 2012. С. 518–551.

83. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно – мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года... . – Пг. : М-во юстиции, 1873-. в 1887 году. – 1891. – 294 с. разд. паг.

84. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно – мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года... . – Пг. : М-во юстиции, 1873-. в 1898 году. – 1901. – 598 с. разд. паг.

85. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно – мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года... . – Пг. : М-во юстиции, 1873-. в 1910 году. – 1911. – 315 с. разд. паг.

86. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно – мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года... . – Пг. : М-во юстиции, 1873-. за 1912 год. – 1915. – 407 с. разд. паг.

87. Семенова, Л.Н. Ремесленный Минск на исходе XIX столетия. Минск : БНТУ, 2015. 229 с.

88. Сидоренко, Б.И. Проституция в губернском Могилеве на рубеже XIX—XX веков: историко-правовой аспект / Б. И. Сидоренко, А. Ф. Свиб // История. Философия. Политика. Право : научные труды преподавателей гуманитарных дисциплин. Могилев, 2011–2013. Вып. 3. С. 121–125.

89. Сидоренко, Б.И. Формы организации и ассортимент продовольственных товаров розничной торговли в губернском Могилеве во второй половине XIX — начале XX века // Гісторыя гандлю ў Беларусі (ад старажытнага часу да канца XX ст.): праблемы вывучэння і перспектывы даследавання : матэрыялы I Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 14–16 лістапада 2013 г.) / [адказны рэдактар З. Шыбека]. Мінск, 2014. С. 182–190.
90. Сталюнас, Д. Модернизация и погромы: Литва и Беларусь в начале XX в. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018. Вып. 3. С. 49–54.
91. Тарновский, Е.Н. Война и движение преступности в 1911–1916 гг.: Январь – апрель // Сборник статей по пролетарской революции и праву: Январь – апрель. Петроград: Изд-во Наркомюста, 1918, № 1 – 4. С. 100–122.
92. Тарновский, Е.Н. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.). С-Пб.: Тип. Правит. Сената, 1899. – 432 с.
93. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных с разъяснениями по решениям кассационных департаментов правительствующего Сената. 8-е издание, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург : Типография Министерства Путей Сообщения (А. Бенке), 1880. - XII, 787 с.
94. Фуко, Мишель. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова, подред. И. Борисовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 1999. 480 с.
95. Шумкин, Г.Н. Категория «Сословие» как инструмент изучения стратификации российского общества XIX – начала XX в. // Петербургский исторический журнал, № 2 (14), 2017, С. 55–70.
96. Шыбека, З.В. Грады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX ст.). Мінск : ЭўлоФорум, 1997. 319 с.
97. Шыбека, З.В. Градская цывілізацыя: Беларусь і свет. Курс лекцый. Вільня: ЕГУ, 2009. 372 с.
98. Эткинд, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
99. Brower, Daniel R. The Russian City between Tradition and Modernity, 1850-1900 University of California Press, 1990. 253 p.
100. Francek, Jindřich. Dějiny loupežnictva : zloději, loupežníci, lupiči, pytláci a žháři v českých dějinách. Praha : Rybka, 2002. 370 s.
101. Frank St. P. Cultural Conflict and Criminality in Rural Russia: 1861–1900. Ph. D. diss. Brown University, 1987. 357 p.
102. Gąsiorowski, Jerzy. Przestępczość gospodarcza w rozwoju historycznym. Jej istota i geneza. Przegląd Policyjny, 1999, Nr 4 (56) S. 147–155.
103. Gerasimov, Ilya. Plebeian Modernity: Social Practices, Illegality, and the Urban Poor in Russia, 1906–1916 (Rochester: University of Rochester Press, 2018). 302 p.

104. Johnson, Eric A. *Urbanization and crime : Germany 1871–1914*. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 246 p.
105. Kaczyńska, Elżbieta. *Człowiek przed sądem : społeczne aspekty przestępczości w Królestwie Polskim, 1815–1914*. Warszawa : Państwowe Wydawn. Nauk., 1982. 496 s.
106. Kaczyńska, Elżbieta. *Ludzie ukarani: więzienia i system kar w Królestwie Polskim 1815–1914*. Warszawa : PWN, 1989. 588 s.
107. Kaczyńska, Elżbieta. *Społeczeństwo i gospodarka północno-wschodnich ziem Królestwa Polskiego w okresie rozkwitu kapitalizmu*. Warszawa : Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1974. 409 s.
108. Knepper, Paul. *Writing the history of crime*. London : Bloomsbury Academic, an imprint of Bloomsbury Publishing Plc, 2016. 241 p.
109. *Modern histories of crime and punishment / edited by Markus D. Dubber and Lindsay Farmer*. Stanford : Stanford University Press, 2007. 335 p.
110. Sobociński, Władysław. *Stan badań i perspektywy studiów nad przestępczością w Księstwie Warszawskim*. *Przegląd Historyczny*, 1986, Tom 77, Numer 4. S. 733–743.
111. Stauter-Halsted, Keely. *The Devil's Chain: Prostitution and Social Control in Partitioned Poland* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015). 380 p.
112. Šesták, Zdeněk. *Jak hřešil Žižkov před sto lety*. Praha : Academia, 2006. 305 s.
113. *Velké dějiny zemí Koruny české. Tematická řada, Zločinnost a bezprávi / Jindřich Francek*. Vyd. 1.. Praha ; Litomyšl : Paseka, 2011. 737 s.
114. *Zločin a trest v české kultuře 19. století : sborník příspěvků z 30. ročníku symposia k problematice 19. století, Plzeň 25.-27. února 2010 / uspořádali Lucie Peisertová, Václav Petrbok a Jan Randák*. Praha : Academia, 2011. 391 s.

Губерния	Год	Виды преступлений				
		преступления и проступки против порядка управления	преступления и проступки по службе государственной и общественной	преступления и проступки против общественного благоустройства и благочиния	преступления и проступки против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц	преступления и проступки против собственности частных лиц
Витебская	1888	30	2	24	22	122
	1903	23	5	15	22	102
	1904	12	2	3	26	104
	1910	12	2	2	7	98
Гродненская	1896	7	1	19	25	123
	1909	11	14	39	15	131
Минская	1888	62	21	70	12	130
	1896	23	1	37	53	92
	1910	25	12	79	35	199
	1911	24	6	30	39	170
Могилевская	1882	27	6	10	28	130
	1900	59	6	20	25	82
	1905	25	6	12	29	71
	1908	16	3	9	10	120

Источники: 54, с. 18; 55, с. 45–48; 56, с. 43–45; 57, с. 54–58; 58, с. 35; 59, с. 45–49; 60, с. 46–48; 61, с. 48–52; 62, с. 18–19; 63, с. 70–78; 64, с. 76; 65, с. 39–50; 66, с. 18; 67, с. 22–23; 68, с. 25; 69, с. 25–27; 70, с. 14; 71, с. 34–35; 72, с. 30–33; 73, с. 40–42; 74, с. 39–45.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Год	Губерния	Занятия осужденных								
		Торговля			Промышленность добывающая	Обрабатывающая промышленность		Тракторная промышленность	Перевозочная промышленность	Строительное производство и чистка домов
		Крупная и посредничество	Из лавок товарами	Разносная и развозная торговля		Ремесленники	Фабричные и заводские промышленники			
1887	Виленская	-	12	18	-	20	-	-	5	15
	Витебская	-	24	39	-	32	-	2	5	19
	Гродненская	-	9	12	-	17	-	-	4	9
	Минская	-	10	21	-	29	-	1	8	11
	Могилевская	-	15	26	-	23	-	1	4	9
1898	Виленская	-	3	14	-	18	-	-	1	11
	Витебская	-	8	37	-	18	-	-	1	9
	Гродненская	-	8	25	-	22	-	-	2	4
	Минская	-	11	23	-	14	-	-	6	4
	Могилевская	-	13	43	-	13	-	-	3	9
1912	Виленская	-	16	2	-	17	-	1	-	1
	Витебская	-	27	5	-	10	-	-	2	2
	Гродненская	-	5	4	-	3	-	-	-	2
	Минская	-	7	1	-	9	-	1	4	6
	Могилевская	-	9	4	-	7	-	-	-	4

Источники: 83, с. 29–31; 84, с. 150–156, 187, 214; 86, с. 40–48, 118–123.